

PHILOLOGY OF THE EAST

Literature of the peoples of the world

ФИЛОЛОГИЯ ВОСТОКА

Литературы народов мира

Научная статья

Филологические науки

УДК 81'255.2(595)«18»+82-31(=030.621=161.1)

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1352-1398>

Между традицией и современностью: Лауддин и его «Повесть о Молодом Капитане» (комментированный перевод и исследование)

Горяева Любовь Витальевна

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,

<https://orcid.org/0000-0002-4744-6005>; e-mail: goriaeva@mail.ru

Аннотация. Публикация, включающая исследовательское предисловие и перевод, посвящена самому раннему образцу малайской документальной прозы – мемуарам непрофессионального автора, представителя большой купеческой семьи из Лампунга – Лауддина. В книге рассказывается о реальных исторических событиях середины XVIII в., повлиявших на судьбы самого Лауддина, его отца и братьев, прежде всего – об исполненном драматизма соперничестве голландцев и англичан в регионе Явы и Суматры. По его содержанию сочинение Лауддина можно безусловно считать новаторским. При этом правдивый рассказ о событиях, свидетелем или участником которых был он сам, строится по законам малайского эпического нарратива. В книге прослеживаются параллели с такими классическими сочинениями, как «Повесть о раджах Пасея», «Малайские родословия» и «Повесть о Ханг Туахе». Тем самым Лауддин обнаруживает свою приверженность канону и вольно или невольно включает свои мемуары в традиционный литературный контекст.

Ключевые слова: малайская литература; Бантен; Лампунг; торговля перцем; англо-голландское соперничество; мемуары; документальное свидетельство

Для цитирования: Горяева Л. В. Между традицией и современностью: Лауддин и его «Повесть о Молодом Капитане» (комментированный перевод и исследование). *Ориенталистика*. 2021;4(5):1352–1398. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1352-1398>.

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1352-1398>

Between tradition and modernity: Lauddin and his “Story of the Young Captain” (commented translation and research article)

Lubov V. Goriaeva

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,

goriaeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4744-6005>

Abstract. The publication (a research article and Russian translation) deals with the earliest specimen of Malay documentary prose, the memoirs of a non-professional

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

author Lauddin, who came from a prosperous merchant family. The book describes actual historical events, which took place in the mid 18th century: the dramatic rivalry between the Dutch and the British in the Java and Sumatra regions. This rivalry was crucial for Lauddin's fate as that of his father and brothers. In terms of its content, Lauddin's work can certainly be considered innovative. At the same time, a truthful story about events in which he himself was a witness or participant is built according to the laws of the Malay epic narrative. The book traces parallels with such classics as the "Chronicle of the Kings of Pasai", "Malay Annals", and "The Tale of Hang Tuah". Thus, Lauddin shows that he sticks to the canon and, willingly or unwillingly, includes his memoirs in the traditional literary context.

Keywords: Malay literature; Banten; Lampung; pepper trade; Anglo-Dutch rivalry; memoir; documentary evidence

For citation: Goriaeva L. V. Between tradition and modernity: Lauddin and his "Story of the Young Captain" (commented translation and research article). *Orientalistica*. 2021;4(5):1352–1398. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1352-1398>.

У истоков малайской авторской прозы («Повесть о Молодом Капитане»)

«В основном местные жители читают книги, где действуют джинны, пэри, дэвы, духи, драконы, гаруды¹ и прочая невидаль, какой не встретишь ни в мире сем, ни в загробном /.../. Есть, однако же, книга сочинения Энчика Алауддина, сына Ки Деманга из Семанги. В ней он поведал историю своей семьи и рассказал об ее скитаниях по чужим краям. Все в этой книжке правда, и случилось на самом деле. Она сияет, как подлинный самоцвет, среди кучи мусора – прочих малайских повестей» [1, р. 470–471].

Эти слова принадлежат Абдуллаху бин Абдулкадиру Мунши (1796/7–1854), прозванному «отцом малайской литературы Нового времени», автору широко известных мемуаров «История Абдуллаха» [2]. Уроженец Малакки, литератор, переводчик и издатель, Абдуллах многие годы сотрудничал с западными миссионерами и написал свой знаменитый труд по просьбе одного из них, американца Алфреда Норта. Сочинение Алауддина, созданное более чем полувеком ранее, не могло не привлечь его внимания.

Подобно мемуарам Абдуллаха, книга Алауддина появилась на свет по инициативе европейца – британского наместника в Лаисе (Западная Суматра) Баттера Ханнингса². Ее автор, Энчик Алауддин (Лауддин), не был профессиональным писателем. Человек грамотный, но не книжный, он происходил из семьи суматранских купцов, из поколения в поколение занимавшихся торговлей перцем, и с готовностью откликнулся на просьбу Ханнингса, предложившего ему написать историю своей семьи.

¹ Гаруда – царь птиц, мифическое существо, ездовое животное Вишну.

² Butter Hunnings (ум. 1793) – коммерсант, сотрудник Британской Ост-Индской компании.

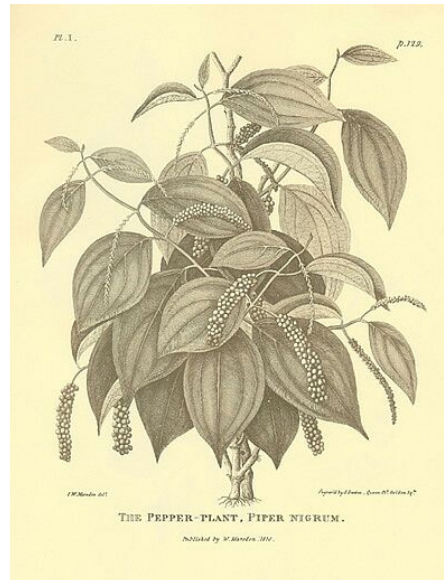

Будучи сыном главного героя, Лауддин стал свидетелем и участником большей части событий, описанных в книге и относящихся к периоду 1756–1766 гг. Основой для ее издания послужила единственная рукопись, датируемая 1788 г. и доставленная в Лондон в 1791 г.³ Стоит отметить, что публикация оригинального текста состоялась лишь в 1961 г., чего нельзя сказать о переводах. На английском языке книга увидела свет в 1830 г., на голландском – в 1842 г., на французском – в 1868 г. [4, р. I–II; 5, р. 203].

В самом тексте рукописи ее название не обозначено, не указано оно и в последних строках книги, вопреки традиции. Переводы этого сочинения издавались под разными заглавиями: «Мемуары малайской семьи» [4], «Мемуары Находы Муды из Саманки, написанные им самим и его детьми» [6], а первый публикатор оригинального текста книги и его голландского перевода, Г. Древес, озаглавил ее «Биография минангкабауского торговца перцем» [7].

Й. Праудфут, создатель конкорданса произведений малайской литературы XIV–XIX вв. (Malay Concordance Project), назвал книгу Лауддина «Повестью о Молодом Капитане» (“*Hikayat Nakhoda Muda*”). Это заглавие едва ли можно считать удачным: его носят еще два сочинения, принадлежащие жанру традиционной малайской беллетристики (*hikayat*)⁴.

Место, где разворачиваются события в мемуарах Лауддина, – юг Суматры (Лампунг), а также западная провинция Явы (Бантен)⁵. Эти территории, находившиеся на рубеже британской и голландской сфер влияния, в XVIII в. были предметом ожесточенного соперничества двух держав, имевшего к тому моменту уже полуторавековую историю и доходившего до прямых военных столкновений.

Рис. 1. Черный перец (*Piper nigrum*).

Гравюра Дж. Свейна из книги У. Марсдена «История Суматры» [15, р. 123]

Fig. 1. The pepper-plant (*Piper nigrum*).
Published by W. Marsden, Engraved by J. Swaine [15, p. 123]

³ Коллекция Марсдена, фонд рукописей Лондонской Школы востоковедения и африканистики (SOAS). Исходная рукопись (MS 40323), помимо записок Лауддина (ff. 1–55), содержит и другие сочинения, написанные на других сортах бумаги [3, р. 163].

⁴ Первый из них имеет и другое заглавие – «Повесть о Сити Саре» (*Hikayat Siti Sara*), а второй – «Повесть о радже Бикраме Сакти» (*Hikayat raja Vikrama Sakti*) [8, р. 104–109].

⁵ Вариант названия – Бантам.

Каждая из сторон стремилась играть ведущую роль в торговле пряностями – важнейшим предметом экспорта, и в этом противостоянии не слишком церемонилась со средствами, привлекая на свою сторону местных правителей и те или иные группы населения. Хотя между Голландской Ост-Индской компанией и Пангераном Ади Сантика (впоследствии – бантенским султаном) в 1752 г. был заключен договор, согласно которому последний признал сюзеренитет Компании и передал ей контроль над Лампунгом, до мира в Бантене было далеко [9, р. 235–251].

Жизнь трех поколений семьи автора книги разворачивается в соприкосновении с главными персонажами этого смутного времени: султаном Бантена, населением Западной Явы и юга Суматры, а также голландцами, господствовавшими на этих территориях, и британцами, обосновавшимися на побережье Суматры к северо-западу от Лампунга. Герой повествования, купеческий сын Тайан по прозвищу Молодой Капитан (*Nakhoda Muda*), стал одной из центральных фигур торговой и политической жизни региона. С юных лет ему приходилось приспосабливаться к меняющимся и весьма драматическим обстоятельствам той эпохи, а под конец – бежать из дома, спасая от преследований голландцев свою жизнь и жизнь сыновей, и искать убежища под покровительством Британии.

Основанная на реальных событиях, книга Лауддина одновременно в полной мере соответствует стандартам традиционного эпического нарратива. Главный герой, которого автор обычно именуется «государем» (*baginda*)⁶, совершает подвиги и стяжает этим заслуженную славу. Первым его свершением становится изгнание с юга Суматры опасных соседей: племени абунгов, охотников за головами. Против этого врага боятся выступить и наместник Лампунга, представитель султана Бантена Ки Риа Минджан, и местные пангераны, правители округов. Молодой Капитан собирает ополчение из добровольцев и хитростью изгоняет абунгов из их селений.

Воинские успехи героя привлекают внимание бантенского султана, и Молодой Капитан становится его главным помощником в Лампунге, относящемся к сфере влияния Западной Явы. Под руководством героя растет количество плантаций перца, он служит третейским судьей при разборе тяжб между местными жителями и берет под свой единоличный контроль поставки перца с юга Суматры в Бантен.

Как и в любом сочинении эпического жанра, сюжет «Повести» развивается во взаимодействии героя (*протагониста*) с другими типовыми персонажами. Во-первых, это *антагонист*, уже упомянутый Ки Риа Минджан, представитель султана Бантена в Лампунге, побоявшийся

---

⁶ Здесь и далее это слово призвано маркировать его статус героя (*протагониста*), а не ранг правителя.

выступить против охотников за головами. Его низость и двурушничество ярко проявляются и в следующем эпизоде, где рассказывается о восстании горцев Западной Явы против бантенского султана⁷. Одновременно в сюжете появляется и *помощник* героя – главный министр, пангеран Кусуманингат, который не раз выступает ходатаем за него перед лицом султана. В ходе вооруженного конфликта «злодей» Ки Риа Минджан предает своего государя и старается перетянуть жителей Лампунга на сторону восставших, однако Молодой Капитан демонстрирует безусловную лояльность султану и голландским властям и в результате становится главным поставщиком перца из Лампунга на Яву.

Одной из отличительных черт Молодого Капитана как эпического героя является чувство собственного достоинства и нежелание быть кому-то обязанным. Когда из-за шторма его груженное перцем судно терпит крушение в проливе между Суматрой и Явой, он не соглашается принять денежную помощь от султана и собственными усилиями возмещает понесенные потери, памятуя напутствие отца. Согласно канонам классической литературы, последний, находясь на смертном одре, должен был дать сыну наказ, и отец героя не отступил от правила. Он призвал Молодого Капитана при любых обстоятельствах воздерживаться от долгов, и тот следовал этому принципу всю свою жизнь.

С течением времени коммерческая деятельность героя приобретает особый размах, подрастают и его сыновья. Султан Бантена принимает решение наградить Молодого Капитана почетным титулом. Этот эпизод описан в книге со всеми этикетными подробностями, которыми столь богата литературная традиция малайцев. Прежде чем оказаться пред лицом султана, Молодой Капитан и его покровитель, главный министр, должны пройти несколько промежуточных этапов. У ворот крепости пришедших встречает стража, затем они являются к церемониймейстеру, тот посылает с докладом старшую из дворцовых служанок, и лишь она сообщает наконец султану о визите гостей. Автор мемуаров счел необходимым воспроизвести в своей книге все обязательные эпические клише, дабы подчеркнуть важность предстоящего события – повышения статуса героя, получающего новое имя (звание): Кьяи Деманг Пурваседана. Султан, а затем и голландский губернатор вручают ему подарки. Примечательно, что герою, как он сам заявляет своим братьям, капитанам торговых судов, повышение не пришлось по душе, однако спорить с султаном он не стал, соблюдая безусловную лояльность верховной власти.

Мемуары Лауддина вызывают в памяти другой малайский литературный памятник, созданный веком ранее, – широко известную «Повесть

⁷ Подробно о так называемом Бантенском восстании 1750–1752 гг. см.: [10].

о Ханг Туахе» (*Hikayat Hang Tuah*)⁸. Ее герой, выдающийся военачальник, близкий к малаккскому престолу, совершает ряд подвигов во славу султана. По навету клеветников он попадает в опалу, и султан приказывает его казнить. Ханг Джебат, друг Ханг Туаха, убежден в невиновности героя, он ненавидит султана и готов занять его место. Однако для Ханг Туаха исключена сама возможность *derhaka* – неповиновения, измены правителю. В результате Ханг Джебат гибнет от руки героя – подлинного рыцаря, не способного на предательство в отношении своего государя [11, с. 243–254].

В малайской письменной традиции эта тема звучала и ранее. Прежде всего, следует упомянуть хронику конца XIV в. «Повесть о раджах Пасея» (*Hikayat raja Pasai*), где султан из зависти ищет смерти сына-богатыря Туна Браима Бапы и его брата Туна Абдул Джалила. Движимый теми же благородными мотивами, что и Ханг Туах, Тун Браим Бапа не позволяет себе выступить против отца и под конец гибнет. Злодеяния султана, завидующего сыновьям, приводят в конце концов к крушению государства под натиском вражеского войска [13, с. 92–109]. Нарушение государем общественного договора между ним самим и его подданными становится роковым и для Малакки начала XVI в., как об этом поведано в хронике «Малайские родословия» (*Sejarah Melayu*) [12, с. 145–156].

В «Повести о Молодом Капитане» жертвой зависти и навета становится сам герой, верой и правдой служивший правителям Бантена и их голландским хозяевам. Во второй части книги новым антагонистам – завистникам Молодого Капитана – удается оболгать его и представить сторонником англичан, блюдущим их коммерческие интересы. Несмотря на свою безупречную репутацию, герой и его сыновья попадают под арест, а все их имущество конфискуется.

Сыновья не хотят мириться с ситуацией и предлагают отцу побег. Вырвавшись с боем из заключения и одержав верх в схватке с голландцами, захватившими их дом, они спешно покидают родной город. Один из сыновей героя, Капитан Лела, опередив остальных членов семьи, едет в Бенгкахулу, где правят англичане, с просьбой об убежище для них. После долгих расспросов и размышлений британские власти наконец соглашаются принять беглецов.

Конец истории печален: отец умирает, не успев узнать об итогах переговоров с англичанами, а его исполненные скорби сыновья разъезжаются кто куда, подобно героям «Повести о ханг Туахе», удаляющимся от мира накануне падения Малакки [11, с. 369–374]. Сам автор книги, Лауддин, остается в Бенгкахулу. По мнению исследователей, мемуары Лауддина недвусмысленно указывают на британские симпатии

⁸ Ее русский перевод см.: [11]. Подробнее о «Повести» см.: [12, с. 333–345].

автора [5, р. 222–223] или, по меньшей мере, свидетельствуют о умении героев сделать в жизни правильный выбор [14, р. 52, 114].

Отсутствие оригинальной рукописи не позволяет определить точную дату написания мемуаров, однако ясно, что книга создавалась в период, когда голландцы утратили свои позиции на Суматре, а Парижский договор (1784) окончательно закрепил торговый приоритет англичан на всех прибрежных территориях Индийского океана [9, р. 280]. Тем самым, прямо или косвенно, бывшие патроны Молодого Капитана получили воздаяние за произвол в отношении своего верного вассала, подобно тому как это случилось с султанами из малайских хроник и «Повести о Ханг Туахе». Так, по стечению многих обстоятельств, появилось на свет первое авторское сочинение документального характера, исторически вполне достоверное и при этом остающееся в русле малайской эпической традиции.

«Повесть о Молодом Капитане». Перевод текста

ПОВЕСТЬ О МОЛОДОМ КАПИТАНЕ

Вот история о том, что происходило во времена, когда Семангка находилась под властью Голландской компании. Господин петор⁹ из Лаиса, Баттер Ханнингс, выразил желание услышать об этом, поэтому я и взялся за перо.

I¹⁰

Был некогда малаец из народности минангкабау, уроженец Байанга¹¹, по прозвищу Капитан¹² Мангкута. Государь¹³ ездил по торговым делам на Яву, из одной ее области¹⁴ в другую. И не перечесать тех мест, куда он приезжал торговать. Как-то приплыл он на Каримата¹⁵, остров между Пасиром и Банджаром. На этом острове проживало немало малайцев-коммерсантов, потому что в тех местах в ту пору добывали золото. Там государь обзавелся женой, убедившись, что на острове можно неплохо заработать себе на жизнь. Трижды сменялись времена года, и

⁹ Petor (устар.) – правительственный чиновник, управляющий отдаленным районом.

¹⁰ Деление текста на главы сделано по изданию Древета [7].

¹¹ Область на западном побережье о. Суматра, к юго-востоку от Паданга.

¹² Nakhoda – «капитан», «шкипер», «владелец торгового судна». В именах героя и его сыновей это слово пишется здесь с заглавной буквы. При обозначении статуса других персонажей – со строчной.

¹³ Здесь и далее автор именует так его сына, а также одного знатного вельможу.

¹⁴ В оригинале чаще всего фигурирует слово “negeri”, имеющее в малайской традиции целый спектр значений: «край, страна, область, округ». В данном контексте оно обозначает более или менее автономный город-государство с прилегающими территориями.

¹⁵ По мнению У. Марсдена, речь идет не об о. Каримата, а об о. Пулау Лаут, расположенном между южным побережьем о. Калимантан и северной областью о. Ява, именуемой Пасиром [4, р. 2].

вот на острове появились отряды командующего Туасаха из бугийских краев¹⁶, намерившиеся захватить остров. Они задумали это, прознав, что на острове проживает много богатых людей. Обитатели острова с оружием в руках выступили против командующего Туасаха, но спустя месяц потерпели поражение: на стороне главнокомандующего были огромные силы. Местные жители спасались бегством – кто на лодках, кто на челноках, а кто и на своих двоих.

Капитан Мангкута отплыл на своей лодке поздней ночью, чтобы враги не заметили, и приплыл в Банджар, в место, именуемое Тайан¹⁷. Спустя некоторое время после прибытия туда у него родился сын, энчик¹⁸ Тайан.

Когда ребенку минуло три года, государь подумал: «Пора мне уезжать отсюда. Неровен час, я умру, пока сын еще будет мал, а сородичей в этом краю у нас нет. Нелегко тогда ему придется». Поразмыслив так, Капитан Мангкута велел матросам привести его лодку в порядок. Когда все было готово, он накупил товаров для доставки в Лампунг и в урочный час двинулся в плавание со всем своим семейством.

Не ведаю, долго ли они плыли, и наконец прибыли в Пиабунг¹⁹. В этом краю проживало немало малайцев. Здешнего правителя звали пангеран²⁰ Сурабава: этот титул он получил от султана Бантена²¹. Капитан Мангкута явился пред лицо пангерана Сурабавы и поведал ему обо всем с самого начала и вплоть до отъезда с острова Каримата. Растроганный историей Капитана Мангкуты, пангеран Сурабава сказал: «О, Капитан Мангкута, оставайся-ка ты здесь и забудь о морских плаваниях, ведь тебе уже немало лет. Если ты ищешь заработка, торговля с Бантеном принесет немалый доход». Капитан Мангкута сказал: «Хорошо, пангеран».

Завершив беседу, Капитан Мангкута вернулся к лодке, освободил ее от груза и водрузил на стапели. Затем он выстроил себе дом в устье Пиабунга²² и занялся торговыми делами. Немало лампунгцев и малайцев стали его покупателями. Если кто-то являлся просто поболтать, государь разговаривал с ним вежливо, со всей искренностью и простотой. Он не преступал закона и не завидовал никому из местных старост.

¹⁶ Исконное место проживания бугов (бугийцев), уроженцев юго-западных областей о. Сулавеси.

¹⁷ Область на западе о. Калимантан.

¹⁸ Энчик («господин») – обращение к мужчине из средних слоев общества.

¹⁹ Место в заливе Семангка на юге о. Суматра.

²⁰ Пангеран – на Яве этим титулом обозначают принца, потомка или родственника правителя. Здесь и далее имеются в виду лица, облеченные властью над группой селений юга Суматры.

²¹ Бантен – область на западе о. Ява.

²² Устье Пиабунга – в малайском мире так нередко именовались города, расположенные в устьях рек.

С течением времени жители Пиабунга полюбили государя за его доброту к простому народу.

Тем временем его сын Тайан вырос, и стал обучаться чтению Корана, а затем и письму. Когда он постиг эту науку, государь послал его на учение в другие края, и тот переезжал из одной страны в другую, но где именно он побывал, не сказано. Спустя семь лет он вернулся в Пиабунг.

Капитан Мангкута был назначен старшим над всеми малайцами и заслужил расположение пангерана Сурабавы. Став также главой купцов Пиабунга, он отговорил сына Тайана отъезжать в дальние края, сказав: «Ты не должен плавать далеко. Займись перевозкой перца из Лампунга-Пиабунга²³ в Бантен. Совершай по одной поездке за сезон²⁴, и это принесет некоторый доход, а в остальное время выращивай перец, если есть у тебя друзья, чтобы помочь. В Пиабунге в случае предоплаты за полгода за бахар²⁵ перца дают шесть реалов, а при наличном расчете при получении товара – семь реалов. Таков порядок в Лампунге при власти султана Бантена. Если же удастся самому благополучно добраться до Бантена и продать перец султану, за бахар дают двенадцать реалов. Сколько его ни привези, султан покупает всё, а затем перепродает Голландской компании по двадцать реалов за бахар. Так повелось в Бантене с давних времен²⁶. Если же Компания совершает покупку напрямую у сельского старосты или владельца судна, сделка не может состояться, не получив одобрения со стороны султана Бантена. Совершившего подобное ждет виселица, ибо перец продается только с согласия султана. Один султан Бантена сменяет другого, а порядок этот сохраняется».

Выслушав отца, Тайан отказался от дальних плаваний и курсировал ежегодно лишь между Пиабунгом и Бантеном. Люди стали звать Тайана Молодым Капитаном²⁷. Его единственным занятием была доставка перца в Бантен.

Так он проплавал четыре или пять сезонов, и тут отец его тяжело заболел. Призвав сына, Капитан Мангкута сказал Молодому Капитану: «О, сын мой, услада моего сердца, свет очей моих! Береги то, что досталось

---

²³ Здесь и далее в тексте встречаются такие двойные топонимы, как Лампунг-Пиабунг и Лампунг-Семангка, где первое слово обозначает весь регион, а второе – некий его участок.

²⁴ Musim – сезон, время года. Имеется в виду время года, благоприятное для морских плаваний.

²⁵ Бахар – мера веса, равная 37,5 кг.

²⁶ Примерно те же цены указаны и в капитальном труде У. Марсдена «История Суматры» [15, р. 205].

²⁷ О значении слова “Nakhoda” см. сноску 12. В данном случае оно скорее обозначает владельца торгового судна. Прозвище (gelar) дается молодому человеку на определенном этапе его жизни, обычно при достижении им статуса взрослого мужчины или, нередко, при вступлении в брак.

тебе от меня! Когда Аллах свершит надо мною свой суд, и я умру, не делай долгов. Не будет средств отправиться в плавание, займись заготовкой древесины, продавай ее и копи капитал, займись рыболовным промыслом, торгуй и добывай средства, чтобы выйти в море. Ни за что не бери в долг, будь то у раджей, или Компании, или простых людей. Вот тебе мой завет, сынок!» Немного времени прошло после его разговора с сыном, и Капитан Мангкута скончался в Пиабунге.

Молодой Капитан следовал всем заветам отца, хранил их в своем сердце и не забывал. Спустя три сезона после кончины Капитана Мангкуты он женился. Супругой его стала двоюродная сестра из Семангки, дочь Капитана Падуки. Последний скончался, оставив единственную дочь по имени Раден Ментери, ее-то и взял себе в жены Молодой Капитан и увез с собой в Пиабунг.

Со дня свадьбы миновало два сезона, и вот Молодой Капитан поплыл в Семангку по торговым делам. Возвратившись в Пиабунг, он сказал жене: «Как ты считаешь, не стоит ли нам возвратиться в Семангку? Там растут кокосы, да и родители наши нашли в Семангке свое упокоение».

И Молодой Капитан перебрался в Семангку вместе с семьей и домо-чадцами. Все они уместились в одно судно. В Семангке он построил дом. Перец произрастал там в изобилии, так что сезон за сезоном он возил его из Семангки в Бантен и завел там себе жену.

В Семангке его потомство насчитывало уже девять человек: три дочки и шесть сыновей. Старшего сына звали Энчик Писанг, второго Энчик Тенун, затем шел Васуб. Сына, родившегося в Бантене, звали Васал. Следом шел сын из Семангки, названный Бантаном, и младший – Лауддин. Дочку звали Берсих, а были еще Мухаммад и Рафудин. Всего детей было десятеро²⁸. От наложницы родилось еще трое: мальчик по имени Рабу, и две девочки – Раме и Камис. После переезда Молодого Капитана в Семангку туда переселилось еще немало малайцев.

II

Близ Семангки за чредой гор в десяти деревнях обитало племя абунгов [15, р. 423]. По их обычаю, если молодой человек намеревался жениться в ближайшее время, он с несколькими сверстниками, числом до десятка, отправлялся в путь. Каждый имел при себе оружие: копье, меч, крик и запас риса – по три кулака²⁹ на каждого. Сахара брали побольше. Когда рис заканчивался, сахар толкли вместе с гнилой древесиной и ели. Целью их похода была охота за человеческими головами. Они двигались к морю и добирались до Семангки. Спустя месяцы в лесах обнаруживались обезглавленные человеческие тела. В те времена, если требовалось пойти на

²⁸ По-видимому, ошибка.

²⁹ Кулак – мера емкости сыпучих тел от 3,087 до 7,7 кг.

неорошаемое поле или за древесиной, туда ходили по четыре-пять человек из страха перед абунгами, а иначе не осмеливались вступить в лес. Те же, добыв человеческие головы, возвращались к себе в селение, а там, по всем дорожкам, ведущим в селение, их уже ждали люди, держа наготове плоски из половинок кокосового ореха, полные отрубей. Тех, кто добыли человеческие головы, у селения радостно встречали девушки, и немало было охотниц взять их себе в мужья. Те же, кому голов не досталось, не входили в селение: им было стыдно глядеть на отруби в кокосовой скорлупе, что приравнивало их к собакам. Тем, кто не принес человеческих голов, возвращаться в селение было позором, и порой до самой смерти они туда носа не казали. Таков был обычай у абунгов, живших за чредой гор у Семангки.

Человеческие же головы были нужны вот для чего: накануне свадьбы череп наполняли золотом и серебром и вручали родителям невесты. Во время свадьбы в череп наливали пальмовое пиво, и его пригубливали поочередно невеста и жених, после чего брак мог считаться совершившимся, а жених считался мужчиной. Без этого жена считалась простой наложницей, а не настоящей женой. Таков был обычай у абунгов, живших за чредой гор у Семангки.

И подумал тут Молодой Капитан: если не уничтожить селения абунгов, от них жди всяких неприятностей. Сколько можно терпеть, чтобы люди боялись ходить в одиночку? И Молодой Капитан стал советоваться с Ки Риа Минджаном, яванцем, представителем султана Бантена в Лампунге-Семангке³⁰, о том, как напасть на селение абунгов. Ки Риа Минджан сказал: «Ладно, Молодой Капитан, мы соберем наших соплеменников и дадим знать всем пангеранам в этом краю».

В Семангке пангеранов разных округов было четверо. Первый из них, Ваи Ратна, представлял округ Бениаванг. В его подчинении находилось примерно двадцать кампунгов³¹. Второй – Лаут Дарасанта из округа Бибу Лунгух с восемнадцатью селениями. Третий – Джайякусума из округа Паданг Рату с десятью селениями. И наконец – Вай Самангкил из округа Семаванг с тринадцатью селениями. Всех их Ки Риа Минджан позвал на встречу с Молодым Капитаном.

Дней через пять пангераны прибыли в Семангку и стали совещаться, как одолеть абунгов. Ки Риа Минджан объявил: «О, пангераны, мы с Молодым Капитаном созвали всех вас, ибо полагаем, что нам следует уничтожить селения абунгов, дабы старосты наших селений могли

³⁰ Здесь и далее Лампунг и Семангка нередко упоминаются вместе как прибрежные территории, где проживает немало малайцев, и находящиеся обе в вассальной зависимости от Бантена.

³¹ Кампунг – деревня, поселок. Так же именуется квартал или округ города, населенный представителями той или иной этнической группы.

выращивать перец и обрабатывать суходольные поля, не испытывая страха. Мне стало известно, что из-за абунгов люди остерегаются ходить поодиночке. Неужели нам век так их бояться?» И пангераны сказали: «Хорошо, Ки Риа Минджан, ты все сказал верно, только у нас нет ружей. Есть только пики, а с ними непросто ходить по горам». Говорит Молодой Капитан: «Не беспокойтесь, пангераны, пики не понадобятся. Пусть те, кто пойдет со мной, вооружатся короткими копьями».

Но против поселения абунгов не пошли ни пангераны, ни Ки Риа Минджан: отряд людей, двинувшихся в поход, возглавил Молодой Капитан. Их было около четырехсот человек: восемьдесят с ружьями, остальные – кто с чем. Проведя три ночи в джунглях, они наконец добрались до селения абунгов. Молодой Капитан объявил старостам-ополченцам: «Постойте! Я пойду вперед с теми, у кого есть ружья. Если услышите выстрелы, спешите к нам».

Когда Молодой Капитан подошел к селению абунгов – Минджангу, он скомандовал сделать по нему ружейный залп, а затем заходить внутрь. В селении не обнаружили ни одного человека: его жители разбежались неведомо куда. Войдя в селение, ополченцы кинулись грабить оставленное ими имущество. Молодой Капитан спросил: «А далеко ли отсюда другие селения?» И человек, который знал, сколько селений у абунгов, ответил: «Не так уж далеко отсюда, Молодой Капитан!» И они двинулись походом на прочие селения. Об их числе и названиях не сообщается. Захвачено было десять селений, и все их дома Молодой Капитан велел предать огню. В поисках абунгов отряд провел два месяца, но не встретил ни одного. Их разогнали, словно лесных оленей. Абунги не пытались сопротивляться. Звуки выстрелов приводили их в ужас: ничего подобного не слышали ни они, ни их предки. И хотя пало немало их селений, лишь четверо абунгов были застрелены. А из четырех сотен соратников Молодого Капитана никто не погиб, только лишь один поранил ногу колючкой³². И об абунгах больше никто не слышал.

Молодой Капитан со своим отрядом из четырехсот человек вернулся в Семангу. По их прибытии туда пангераны с Ки Риа Минджаном явились к нему в кампунг расспросить о победе над абунгами. И Молодой Капитан рассказал пангеранам и Ки Риа Минджану, как все было, с начала и до конца. Когда те узнали, что абунги побеждены, а их селения преданы огню, радость охватила всех жителей Семангки. Говорили, что абунги бежали к морю, в окрестности Палембанга. Четыре-пять дней пангераны предавались веселью в кампунге у Молодого Капитана, а затем разъехались по своим селениям, радуясь, что абунги больше не станут тревожить местных жителей.

³² Имеются в виду специально разбросанные колючки, призванные остановить босоногого противника [4, с. 13].

III

Полгода миновало, и Молодой Капитан с грузом перца отправился в Бантен.

Рис. 2. Бантен. Карта XVII в.

Источник: http://www.sanderusmaps.com/antique-maps/asia/bantam_20714.cfm

Fig. 2. Banten. Map of the 17th century

A source: http://www.sanderusmaps.com/antique-maps/asia/bantam_20714.cfm

По прибытии туда он явился к главному из министров султана – пангерану Кусуманинграту, к которому султан обращался за советом по поводу всего происходящего в Бантене. Оказавшись на месте, он уселся, и пангеран обратился к нему с вопросом: «Давно ли ты прибыл, Молодой Капитан? Какой груз доставил? Что нового слышать в Лампунге-Семангке?» Молодой Капитан сказал: «О, господин мой пангеран Кусуманингат, я привез всего лишь сотню бахаров перца из Лампунга-Семангки. О Семангке нечего и сказать, но есть новость для тебя, господин. За холмами Семангки в десяти селениях обитали абунги. Чьи они были подданные, не ведаю: не подчинялись ни тебе в Бантене, ни правителю Палембанга. Занятие у них было одно, и стоило лишь им выйти ближе к морю, как местные жители со страху носа не казали в лес, потому что абунги кого ни встретят, того убьют. Так-то было дело, господин! Тут пангераны в Семангке собрались на совет и решили атаковать их селения. Я сам отправился туда со своим ополчением. Вскоре мы одержали победу и заняли все десять селений».

Слова Молодого Капитана весьма обрадовали пангерана Кусуманинграта. Затем Молодой Капитан откланялся, воротился к себе на судно и отдал приказ переносить груз на берег. По завершении разгрузки явились служащие от султана и голландцев принимать перец. Груз был взвешен, оплата получена, и куплены товары, которые надо было доставить в Семангку.

Сделав закупки, Молодой Капитан явился к пангерану Кусуманинграта сообщить ему о своем отбытии в Семангку. Пангеран сказал: «Не сможешь ли ты, Молодой Капитан, оказать помощь султану в Семангке, ведь она так далеко от Бантена. Если местные жители или пангераны начнут враждовать, а то и воевать между собой, вы с Ки Риа Минджаном должны будете навести там порядок, какова бы ни была причина раздоров. Если из числа местных жителей никто не погибнет, не страшно, таковое в Семангке случалось. Но если будут убитые, задерживай виновных и отправляй их ко мне в Бантен, обозначив в письме все обстоятельства. Если же прибудет от меня гонец с приказом от султана устроить плантации перца во всех сельских местностях Семангки, сопровождай их лично. Я говорю не от себя, а от имени султана, я лишь передатчик его слов».

Говорит Молодой Капитан: «О, господин мой пангеран Кусуманинград, мне отнюдь не трудно привести в исполнение твою просьбу. Но думается мне, что местные жители не слишком ко мне расположены, ведь я для них человек пришлый, как тебе известно».

Говорит пангеран Кусуманинград: «В Семангке все пришлые и живут здесь лишь по доброй воле султана. И вершит волю в Семангке один лишь султан – от века и поныне».

Выслушав пангерана, Молодой Капитан ничего не сказал и испросил позволения вернуться в Семангку. Пангеран Кусуманинград дал ему в награду одежду, каин и баджу³³, как полагалось у султана Бантена. Затем Молодой Капитан вернулся на судно и попросил у чиновника отметить печатью его отплытие из Бантена в Семангку. Получив грамоту с печатью, он отчалил и вскоре прибыл в Семангку.

Шесть месяцев миновало с его приезда в Семангку, и от султана прибыли два судна, доставившие приказ: устроить плантации перца в каждом из селений этого края. Прибывшие начальствующие велели Ки Риа Минджану и Молодому Капитану готовиться к осмотру плантаций. По завершении приготовлений все они отправились в путь. В каждом селении объявлялось: «По приказу султана Молодой Капитан вместе с нами и с Ки Риа Минджаном будет осматривать плантации. Не ставьте ему это в упрек: то был приказ султана. Если же возникнет ссора между местными

³³ Каин – национальная одежда малайцев, длинный несшитый кусок ткани, оборачиваемый вокруг бедер. Баджу – вид одежды типа куртки. В малайском мире традиционной формой выражения милости со стороны государя было дарование смены одежды – каина и баджу.

жителями, или даже пангеранами, разбирать дело будут Молодой Капитан и Ки Риа Минджан, им вы должны подчиняться. Султан приказал нам уведомить об этом всех местных жителей и пангеранов Семангки». Услышав слова начальствующих, местные жители и пангераны выразили свое согласие. Проведя в разъездах два месяца, путешественники вернулись в малайский кампунг. Суда отправились в Бантен, и каждое везло с собой немного перца в дар султану от Семангки.

Малайские деревни Семангки становились все многочисленнее, одних лодок там швартовалось около полусотни. Год за годом малайцы из Семангки везли перец в Бантен. У каждого направляющегося туда малайского судна должна была быть при себе грамота от Молодого Капитана. Таков был порядок для любого малайского судна, следующего из Семангки в Бантен. И лампунгцы, и яванцы, и малайцы души не чаяли в Молодом Капитане.

IV

Расскажем теперь о войне Бантена против горцев этой страны³⁴. Их воинского предводителя звали Рату Багус Буанг. Он был храбр и решителен, равных ему среди горцев не было, и все боялись его. Никто не осмеливался перечить ни одному его слову. Бантенские горцы единодушно последовали за Рату Багусом Буангом, когда он пошел войной на Бантен. Он подчинил своей власти небольшие округа, и жители Бантена стали на его сторону, не считая людей, близких к султану. Оборону держали лишь три города: тот, где пребывал султан, и еще два, занятых голландцами. Город султана звался Гедунг Интан³⁵, а голландские – Пачинан и Каранг Ханту, они все еще не сдавались. Поддержку султану Бантена оказывала Батавская компания³⁶.

Война не прекращалась около двух лет. Рату Багус хотел одержать верх над султаном и Компанией и говорил людям: «Нам непременно удастся одолеть Бантен. Когда победим, не будет над нами власти ни султана, ни голландцев». И толпа внимала ему, не помышляя об обмане, поскольку Рату Багус Буанг умел завоевать расположение людей.

Прослышав, что в Бантене идет война и страна близка к поражению, Ки Риа Минджан вернулся в Бантен и поспешил к Рату Багусу Буангу, ибо сам он по происхождению был из бантенских горцев. Явившись к Рату Багусу Буангу, он склонился перед ним, и Рату Багус Буанг спросил: «Откуда

³⁴ Речь идет о так называемом Бантенском бунте (Banten Rebellion) 1750–1752 гг., руководимом религиозным лидером Кьяи Тапой и членом правящего семейства Рату Багусом Буангом, выступившими против фактической главы государства, Рату Шарифы Фатимы (пр. 1748–1752), и Нидерландской Ост-Индской компании [10, р. 614].

³⁵ Алмазный Дом.

³⁶ То есть Нидерландская Ост-Индская компания.

он, этот человек?» Воеводы³⁷ сказали: «Его зовут Ки Риа Минджан, султан поручил ему приглядывать за Семангкой. Приехал же он потому, что проведаль, будто ты намереваешься захватить Бантен».

Говорит Ки Риа Минджан: «О, господин, твоя воля для меня превыше всего. Я более не хочу повиноваться султану Бантена». Рату Багус Буанг спросил: «А есть ли в Семангке малайцы?» Говорит Ки Риа Минджан: «Их много, господин. В Лампунге-Семангке малайцы заняты торговлей. Из них владеют оружием около двух с половиной сотен человек. Главный над ними – Молодой Капитан».

Говорит Рату Багус Буанг: «Если так, отправляйся в Семангку, собери малайцев и вези их сюда ко мне». Говорит Ки Риа Минджан: «А что, если они добром не согласятся явиться?» Говорит Рату Багус Буанг: «Если так, возьми себе в подмогу сто пятьдесят человек. Если те согласятся добром, обращай с ними ласково, а будут сопротивляться – привези мне голову их главаря». Так сказал Рату Багус Буанг Ки Риа Минджану.

По завершении переговоров Ки Риа Минджан отплыл из устья Чарингина в Семангку на двух больших пенчалангах³⁸. По прибытии туда Ки Риа Минджан направился в селение Бениаванг, где жил пангеран Ваи Ратна, и заявил ему следующее: «Рату Багус Буанг приказал мне объехать весь Лампунг-Семангку. Мне нужно знать, кто из местных жителей или пангеранов пожелает последовать за Рату Багусом Буангом, а кто нет. Ведь по сути дела он уже завладел Бантеном. Именно поэтому я и обращаюсь к тебе как к главному из пангеранов Семангки».

Отвечает пангеран: «О, Ки Риа Минджан, если Бантен действительно пал, мы будем готовы подчиниться любому, кто станет им править. Пусть это тебя не беспокоит». Говорит Ки Риа Минджан пангерану Ваи Ратне: «Как ты думаешь: а малайцы пойдут на это или нет? Рату Багус Буанг повелел привлечь их к участию. Пойдут добром – с ними будут обращаться по-доброму. Тех, кто не захочет добром, – принудят. Так мне сказал Рату Багус Буанг».

Жил в Лампунге человек по имени Раден Сапанг, весьма расположенный к Молодому Капитану. Узнав об этом, он отправился к нему и рассказал, что Ки Риа Минджан прибыл от Рату Багуса Буанга, чтобы призвать Молодого Капитана принять его сторону. Услышав это, государь приказал созвать всех судовладельцев из малайских кампунгов. Когда все собрались в доме Молодого Капитана, он обратился к ним со словами: «Что вы думаете, собратья, о предложении Ки Риа Минджана перейти под команду Рату Багуса Буанга? Если мы не согласимся, он обязательно пойдет на нас войной. Мне сообщил об этом Раден Сапанг. Подумайте об этом,

³⁷ В оригинале "hulubalang". Это слово, в зависимости от контекста, может переводиться как витязь, полководец, начальник стражи и т. д.

³⁸ Pencilang – большое парусное транспортное судно.

собратья мои, капитаны: ведь сейчас Ки Риа Минджан уже собирает людей в селении пангерана Ваи Ратны, и они вскоре окажутся здесь».

Начались прения. Одни судовладельцы говорили: «Мы пойдем за Ки Риа Минджаном», другие высказывались против. Неясно было, чье мнение возобладает. И тогда взял слово старый капитан Малим, уроженец Кампара. Обратившись к собравшимся, он сказал: «Братья мои, если дело пошло так и принять решение мы не можем, пусть Молодой Капитан объявит нам, что он сам об этом думает». Выслушав капитана Малима, собрание судовладельцев предоставило слово Молодому Капитану, и капитан Малим спросил его: «А каково твое суждение на этот счет – скажи!»

Говорит Молодой Капитан: «Думается мне, что, пока султан Бантена не побежден и существует Батавская компания, действовать по указке Рату Багуса Буанга не стоит. Если Ки Риа Минджан заявится сюда, мы не станем танцевать под его дудку, а окажем сопротивление. Полагаю, что, как бы ни был отважен и решителен Рату Багус Буанг, Бантена им не одолеть, поскольку султану оказывает поддержку Батавская голландская компания. Таково мое мнение».

Говорят судовладельцы: «Коли так, мы вооружимся и укрепим свои кампунги, готовясь к обороне». Тут Молодой Капитан велел снарядить два судна с полным вооружением, а их капитанам было приказано стать на якорь напротив устья и ждать. При появлении Ки Риа Минджана с его кораблями оба этих судна должны были держать оборону. Их команды были набраны из лучших. Во главе был поставлен капитан Малим, имевший опыт морских сражений с пиратами.

Так распорядился Молодой Капитан. Затем он направил в Бантен лодку с письмом к губернатору Самбереку. В нем сообщалось, что посланец Рату Багуса Буанга прибыл в Семангку с намерением установить там их власть и что местные старосты Лампунга-Семангки трепетали перед ним, однако малайцы не желали ему подчиниться. Все это было указано в письме. Послание должен был доставить некий капитан Тенгах, в придачу он вез султану в дар от Молодого Капитана рыбу, рис и спелые пинанги³⁹, а губернатору Молодой Капитан послал несколько кур. Когда погрузка закончилась, судно двинулось в Бантен. Там одно письмо было передано султану, а другое губернатору, вместе с дарами.

Когда султану и губернатору Самбереку зачитали письма, они направили в Семангку два судна: трехмачтовое и двухмачтовое, а с ними триста солдат, голландцев и бугов. И спустя восемь дней после отправки тех писем суда прибыли в Семангку.

Ки Риа Минджан находился тогда в кампунге Ваи Ратны в обществе местных старост, обсуждая план нападения на малайский кампунг. Слуги Ки Риа Минджана заметили суда, вошедшие в порт Семангки, и

³⁹ Pinang – плод арековой пальмы, используемый для приготовления бетеля.

поспешили доложить: «Прибыли два судна, господин, и движутся в направлении малайского кампунга. Думается, суда эти пришли из Бантена и будут вести охрану Семангки по приказу султана и бантенского губернатора».

Услышав это, Ки Риа Минджан затрепетал от страха. Он немедленно же отправился к себе на судно и поспешно отплыл в Бантен к Рату Багусу Буангу. Оказавшись перед ним, Ки Риа Минджан сказал: «О, господин Рату Багус Буанг, я только что прибыл из Семангки. Мы всё обсудили с местными старостами и пришли к согласному решению действовать по твоему приказу. С малайцами я еще не переговорил, и не ведаю, каково их мнение. К нам прибыло два судна: трехмачтовое и двухмачтовое, и я сразу же поспешил сюда, господин».

Выслушав Ки Риа Минджана, Рату Багус Буанг помолчал, а затем отдал приказ продолжать военные действия. Так повел себя Рату Багус Буанг, обретавшийся в Бантене.

Расскажем о судах, прибывших в Семангку. Завидя их, Молодой Капитан приказал жителям малайского кампунга выйти и встретить их капитанов при высадке на берег. Когда те появились, Молодой Капитан и прочие судовладельцы Семангки почтительно приветствовали их. На вопрос: «А что сейчас делает посланец Рату Багуса Буанга?» Молодой Капитан ответил: «Насколько мне известно, он находится в округе пангерана Ваи Ратны».

Узнав об этом, капитан послал своих людей удостовериться, так ли это. Были отправлены сто солдат на двух кораблях, и капитан приказал: «Если в округе пангерана Ваи Ратны действительно находятся люди Рату Багуса Буанга, тотчас же дайте мне знать и не возвращайтесь назад: несите стражу вокруг этого селения и не выпускайте никого. Мы же вскорости прибудем туда».

Той же ночью корабли отплыли в направлении округа пангерана Ваи Ратны. Прибыв туда, они не обнаружили в порту больших или малых судов. Когда пангеран Ваи Ратна заметил корабль, он выслал людей на разведку, и те отправились. Когда они подошли к судну, то получили приказ взойти на борт. Их спросили: «А где сейчас Ки Риа Минджан?» Отвечают они: «Здесь его нет, он отбыл в Бантен позапрошлой ночью».

Тогда те, кто плыли на двух кораблях, сошли на берег и отправились к пангерану Ваи Ратне. Завидев идущих, пангеран тотчас же пригласил их к себе в дом, и видно было, что он напуган. Пангеран спросил: «Что привело вас сюда?» Люди ответили: «Капитан послал нас к Ки Риа Минджану: говорят, что он здесь». Пангеран Ваи Ратна произнес: «Он был здесь, но тому уже две ночи, как он отплыл в Бантен».

По завершении беседы люди вернулись на борт судна и пустились назад в Семангку, к своему капитану. Там они сообщили, что Ки Риа Минджан вернулся в Бантен и в округе у пангерана Ваи Ратны его нет.

Узнав о возвращении Ки Риа Минджана в Бантен, капитан повелел Молодому Капитану созвать местных старост и пангеранов Лампунга-Семангки. Люди пошли по селениям, созывая старост и пангеранов в малайский кампунг.

Десятью днями позже все старосты собрались в Семангке. Они явились вместе со своими помощниками, и народу в малайском кампунге стало видимо-невидимо. Капитан корабля сказал Молодому Капитану: «Спроси-ка у старост пангеранов, будут ли они выполнять приказы султана и Компании или нет. Я должен знать мнение каждого». Выслушав его, Молодой Капитан передал всем его слова.

Пангеран Ваи Ратна заявил Молодому Капитану: «Как и прежде, все старосты хранят преданность султану Бантена и губернатору». Слыша слова Ваи Ратны, капитан сказал: «Если и впрямь пангеран расположен к султану и Компании, отчего же ты впустил в свое селение посланцев Рату Багуса Буанга? Или тебе неизвестно, что ныне Рату Багус Буанг – враг султана и Компании? Если бы Молодой Капитан не сообщил о том султану и губернатору Бантена, они так бы и не ведали, что посланец Рату Багуса Буанга обретается в Семангке».

Выслушав капитана, пангеран [сказал]: «Я не сообщил об этом султану и губернатору, потому что у меня нет человека, которого я мог бы послать в Бантен. Кроме того, я опасюсь Ки Риа Минджана, мне не под силу воевать с ним. Капитану известно, что у старост в Семангке нет оружия, чтобы противостоять врагу, – мы здесь все словно женщины. В Семангке же мы выполняем волю султана и губернатора: выращиваем перец».

При этих словах пангерана гнев у капитана утих. В один прекрасный день он обратился к Молодому Капитану с просьбой опросить старост, не согласятся ли они доставлять перец ему самому, согласно приказу султана и губернатора. Молодой Капитан передал старостам его слова, и те возрадовались и распорядились, чтобы их подчиненные везли перец в малайский кампунг. Затем перец был взвешен и доставлен на суда, но они не отплыли в Бантен, ожидая вестей о войне Рату Багуса Буанга против султана Бантена. Когда же Рату Багус Буанг потерпел поражение, у султана и Компании больше не осталось врагов, все они бежали в горы, и губернатор прислал капитану письменный приказ возвращаться в Бантен. По получении письма оба судна отплыли в Бантен с грузом перца.

Узнав, что капитан прибыл и привез с собой много перца, султан и губернатор обрадовались. Султан распорядился отрядить в Семангку пенчаланг с суммой, возмещающей его стоимость. Так порешили султан Бантена и губернатор господин Самберек.

V

Полгода миновало с тех пор, как корабли вернулись в Бантен, и Молодой Капитан сам отправился туда вместе с малайскими торговыми

судами из Семангки, везшими перец. Когда они добрались до пролива между Явой и Пулау Перча⁴⁰, налетел противный ветер, и между Бантенем и Чарингином судно Молодого Капитана потерпело крушение. Это случилось в полночь. На судне было сто бахаров⁴¹ груза, и все погибло. Команде велели не забирать с собой ничего, кроме оружия. Прочие же лодки благополучно достигли Бантена.

Захватив с собой все, что удалось унести, государь двинулся в Бантен на маленькой лодке с двумя матросами. В Бантене же они явились к чиновнику налоговой службы и сообщили, что их судно затонуло между устьем Чарингина и Бантенем и что на нем было сто бахаров груза. Выслушав это, чиновник налоговой службы проводил его к губернатору. Молодой Капитан рассказал о крушении судна, везшего сотню бахаров перца. Губернатор сказал: «Что тут поделаешь? Ты понес потери».

После беседы с губернатором Молодой Капитан отправился в дом пангерана Кусуманинграта, старшего из многочисленных министров султана Бантена, ибо пангеран этот ведал всеми делами Бантена и на море, и на суше, и султан полностью ему доверял. Молодой Капитан явился к пангерану Кусуманинграту и сообщил о гибели судна, везшего сотню бахаров перца.

Выслушав Молодого Капитана, пангеран сказал: «Что поделаешь, Аллах посылает нам и удачу, и неудачу». И затем добавил: «Чем же я могу тебе помочь?»

Ответил Молодой Капитан: «Затем я и пришел к тебе, пангеран. Помоги мне добыть судно измещением в два кояна⁴² для моей команды и спасенного имущества». Тут ему предоставили судно и команду моряков. Погрузили оставшееся имущество, и судно отправилось в Бантен.

Предаваясь унынию, Молодой Капитан не покидал дома. Однажды пангеран Кусуманинграт явился к султану и поведал ему: «Из Семангки от Молодого Капитана прибывало множество судов с перцем, но на сей раз благополучно достичь Бантена ему не удалось: его судно затонуло между Бантенем и устьем Чарингина, погиб и груз перца в сотню бахаров весом. Мне очень жаль Молодого Капитана». Так сказал султану пангеран Кусуманинграт.

Выслушав пангерана Кусуманинграта, султан сказал ему следующее: «Если Молодой Капитан испытывает недостаток средств, надо помочь ему, насколько это возможно».

Переговорив с султаном, пангеран вернулся домой и послал одного из приближенных за Молодым Капитаном. Придя к государю, тот сказал: «Пангеран Кусуманинграт просит тебя пожаловать к нему». Тотчас же Молодой Капитан поспешил вместе с ним к пангерану Кусуманинграту.

⁴⁰ То есть Суматрой.

⁴¹ Bahar (bahara) – мера веса, равная 37,5 кг.

⁴² Коуан – на Суматре: мера объема, равная 33 гектолитрам.

Когда Молодой Капитан явился к пангерану, тот обратился к нему со словами: «Не печалься! Если у тебя недостает средств, султан поможет тебе в приобретении судна со всем грузом».

На эти слова пангерана государь ответил: «Позволь мне подумать, господин!» Поразмыслив немного, он сказал: «Благодарствую, пангеран Кусуманинград! Брать в долг у правителя я остерегусь. Случись мне умереть – и моим детям придется туго, они еще не знают, что такое долг перед раджей. Я всегда вел торговые дела и сам находил на это средства, где только мог».

Выслушав Молодого Капитана, [пангеран Кусуманинград молвил]: «Если ты не хочешь взять его денег, султан не поставит мне это в вину. Итак, денег от него ты не получишь».

Затем государь вернулся на судно, стоявшее на якоре, и не трогался с места, пока спустя месяц не прибыла лодка из Семангки от его жены, а с нею деньги на приобретение судна. Совершив покупку судна и груза, он отплыл в Семангку. С той поры сам он больше не желал пускаться в плавание и отправлял груз перца в Бантен с сопроводительным письмом.

VI

Государь построил себе дом длиной в десять, шириной в восемь сажень в основании, со стенами из тикового дерева. Он взялся за эту постройку, рассудив так: «Когда я умру, сыновьям не придется ждать двадцать лет, чтобы начать строительство». Так он рассуждал. Строительство продлилось пару лет, и денег на него ушло немало: не меньше тысячи реалов.

Когда дом был готов, государь поплыл в Бантен, куда уже три года подряд доставлял перец, приобрел еще две лодки и отправил их в Семангку. Там он подарил одну из них своему сыну Васубу, снабдил его необходимыми средствами и вооружением, причем сын стал теперь прозываться Капитан Буюнг⁴³. Вторую лодку он подарил своему сыну Васалу, со всеми необходимыми средствами и вооружением, и тот стал прозываться Капитаном Лелой. Обоих он обучил и письму, и торговому делу. Было у него еще двое сыновей, Бантен и Лауддин: их он приставил к изучению и переписыванию Корана.

Наконец государь отплыл в Бантен вместе с несколькими владельцами торговых судов, его сопровождали сыновья, Капитан Буюнг и Капитан Лела, каждый на своей лодке. Вскоре все суда благополучно прибыли в Бантен с грузом перца. Молодой Капитан направился к бантенскому чиновнику налоговой службы и губернатору господину Самбереку сообщить, что вместе с ним прибыли малайские торговые суда из Лампунга-Семангки. Услышав об этом, губернатор был очень доволен. После беседы с ним Молодой Капитан направился предстать перед пангераном

⁴³ «Мальчик-капитан».

Кусуманингратам и всеми начальниками портов в Бантене, дабы сообщить, что из Семангки прибыло несколько малайских судов с грузом перца. Весть о том, что из Лампунга-Семангки привезли много перца, вызвала всеобщую радость. Затем Молодой Капитан вернулся к себе на судно. С утра весь груз был доставлен на берег, и служащие Компании и султана явились принимать его.

Когда прием перца для султана и Компании завершился, султан призвал к себе пангерана Кусуманинграта. Гонец явился к пангерану и сказал: «Господин пангеран, его величество просит тебя пожаловать к нему во дворец».

Выслушав гонца, пангеран отправился во дворец султана. Там он почтительно склонился перед ним и молвил: «О, господин, твой раб явился и готов исполнить все, что ты ни прикажешь». На это султан сказал: «Я призвал тебя, ибо намереваюсь пригласить Молодого Капитана во дворец и наградить почетным титулом за его заслуги перед Бантеном, мною и Компанией».

Выслушав султана, пангеран Кусуманинград молвил: «Когда мне следует препроводить к тебе Молодого Капитана?» Отвечает султан: «Завтра приведи его сюда во дворец». После этих слов пангеран откланялся и удалился.

Ранним утром пангеран послал одного из своих гвардейцев за Молодым Капитаном. Явившись к нему, тот сказал: «Пангеран Кусуманинград велел мне проводить тебя во дворец к государю».

Выслушав гвардейца, государь вместе с ним отправился к пангерану Кусуманинграта. Придя к нему, Молодой Капитан молвил: «Твой гвардеец передал, что ты хочешь меня видеть, и вот я здесь».

На слова Молодого Капитана пангеран ответил: «Я послал за тобой, ибо султан повелел привести тебя сегодня к нему».

Затем Молодой Капитан вместе с пангераном Кусуманингратам направились в крепость султана Бантена. Оказавшись у железных ворот, они задержались у сторожевого поста из девяти вооруженных стражников и девяти гвардейцев, сменявшихся ежедневно. За воротами же находились голландский капитан с четырьмя десятками солдат.

Завидя Молодого Капитана и пангерана Кусуманинграта, стражники и голландский капитан спросили: «Зачем, пангеран, ты привел сюда Молодого Капитана?» Пангеран сказал: «Султан приказал мне привести его к нему».

Слова пангерана Кусуманинграта повергли стражников и капитана в изумление, и подумали они про себя: «Что же понадобилось султану от Молодого Капитана? Ведь уже немало богатых и известных яванских капитанов приезжало в Бантен, но никто не видел и не слышал, чтобы султан пригласил их к себе в крепость». Так подумали стражники и голландский капитан.

Говорит пангеран Кусуманинград стражникам: «Идите к Факиру Адаму⁴⁴ и доложите, что я ожидаю у железных ворот вместе с Молодым Капитаном: мы явились, чтобы предстать перед его величеством». Выслушав пангерана, они отправились к Факиру Адаму и сообщили, что пангеран Кусуманинград вместе с Молодым Капитаном пришли на аудиенцию к его величеству и ожидают у железных ворот. Факир Адам сказал: «Прикажите этому государю явиться сюда ко мне». Гвардейцы отправились к пангерану Кусуманинграду и Молодому Капитану и сообщили, что Факир Адам хочет их видеть. Выслушав гвардейцев, оба государя направили свои стопы в дом к Факиру Адаму.

У Факира Адама было сорок человек, умеющих представлять дабус⁴⁵ на арабский манер, играть на музыкальных инструментах и исполнять яванские танцы. Если султану хотелось увеселительных зрелищ, он приходил в дом Факира Адама. Все любимые султаном забавы были там в его распоряжении.

Когда пангеран и Молодой Капитан явились к Факиру Адаму, тот сказал: «Почему Молодой Капитан явился сюда вместе с тобой?» На вопрос Факира Адама пангеран ответил: «Не ведаю, о Факир Адам, по какой причине султан приказал мне явиться сегодня к нему вместе с Молодым Капитаном». Ответ пангерана удивил Факира Адама, и он подумал про себя: «Зачем султану понадобился Молодой Капитан?» Но догадаться не мог. А пангеран Кусуманинград обратился к Факиру Адаму с такими словами: «Отправляйся к его величеству и доложи, что мы с Молодым Капитаном ожидаем у тебя в доме и готовы предстать перед ним».

Выслушав пангерана, Факир Адам отправился пред лицо его величества. Когда он вошел в помещение, где находились дворцовые служанки⁴⁶, старшая, увидев его, спросила: «С чем пожаловал, Факир Адам?» Факир Адам ответил: «Я пришел сообщить, что пангеран Кусуманинград и Молодой Капитан явились, чтобы предстать перед его величеством. Сами же они ожидают распоряжений у меня в доме».

Выслушав Факира Адама, старшая служанка отправилась к его величеству. Там султан задал ей вопрос: «С чем пожаловала?» Старшая ответила с поклоном: «Прости меня, владыка, я пришла сообщить, что пангеран Кусуманинград и Молодой Капитан ожидают в доме у Факира Адама и готовы предстать перед тобой». Выслушав старшую, султан молвил: «Пригласи пангерана ко мне».

⁴⁴ По предположению У. Марсдена, Факир (факир) Адам был церемониймейстером или же организатором увеселений при дворе султана [4, р. 35].

⁴⁵ Dabus (ар. «дубина»). Забава, бывшая в ходу в бантенском обществе, – демонстрация невосприимчивости к острому оружию или огню.

⁴⁶ По предположению Марсдена, речь здесь идет о женщинах, владеющих воинскими искусствами и несших охрану во дворце. Предполагалось, что они менее склонны предать своего государя, нежели охранники-мужчины [4, с. 36].

Старшая из женщин пошла к Факиру Адаму и передала ему, что султан ожидает пангерана Кусуманинграта и Молодого Капитана у себя во дворце. Выслушав старшую из женщин, Факир Адам пошел к пангерану Кусуманинграту и Молодому Капитану и объявил, что его величество ожидает их во дворце. Выслушав Факира Адама, оба государя проследовали во дворец.

Придя туда, поклонившись и оказав все почести его величеству, пангеран Кусуманинграт и Молодой Капитан уселись перед ним. Султан сказал пангерану Кусуманинграту: «Сегодня я хочу наградить Молодого Капитана титулом Кьяи Деманг Пурваседана⁴⁷. Сообщи об этом девяти стражникам и голландскому капитану, несущим стражу у врат моей крепости, а также всем моим Бантенским подданным».

Выслушав эти слова султана, Молодой Капитан поклонился его величеству и сказал: «Прости меня, владыка, но мне не надобно иного звания, кроме того, что я ношу от века. Однако приказу твоему я должен повиноваться».

Его величество молвил: «Слово мое неизменно, ибо уже запечатлено в моем сердце». Затем [гостям] настало время удалиться. Султан приказал служанкам принести полный наряд: расшитую шапочку⁴⁸, шерстяную куртку и брюки, посох из ротанга, копье и крис, большой зонтик. Когда церемония вручения наряда завершилась, пангеран Кусуманинграт и Молодой Капитан испросили у султана разрешения удалиться.

Когда они подошли к железным воротам, пангеран объявил девяти стражникам и голландскому капитану: «Султан повелел, чтобы отныне Молодой Капитан носил имя Кьяи Деманг Пурваседана. Объявите об этом населению Бантена». И услышал в ответ: «Хорошо, пангеран, мы дадим знать об этом всем Бантенским жителям». Затем пангеран пустился в обратный путь.

С утра Кьяи Деманг Пурваседана явился к губернатору⁴⁹. Поклонившись, он сказал: «О, губернатор, причина моего прихода следующая: вчера султан пригласил меня к себе и удостоил титула, который на Яве носят главы округов⁵⁰. Я просил султана оставить мне мое прежнее звание, но это оказалось невозможным».

Выступав Кьяи Деманга Пурваседану, губернатор сказал: «Если бы султан не наградил тебя этим званием, я мог бы сделать то же самое, как это принято в Компании, а ныне султан уже совершил это». Затем губернатор достал двуствольное ружье и двуствольный пистолет. Кьяи Деманг

⁴⁷ Kiai – зд. начальник, demang – глава района (области).

⁴⁸ Koriah cabang.

⁴⁹ Имеется в виду голландский губернатор.

⁵⁰ Punggawa (penggawa) – это слово обозначает не только воинского командира, но и главу области.

Пурваседана спросил: «Сколько же стоит такое оружие?» И губернатор ответил: «Оно не продается, это мой подарок тебе».

По завершении беседы Кьяи Деманг Пурваседана вернулся к себе на судно. Едва он оказался на борту, как появились люди на небольшом сампане⁵¹, а с ними бочка пороха и бочка пуль. Кьяи Деманг Пурваседана сказал: «Что это вы везете и откуда прибыли?» Они ответили: «Нас послал капитан из крепости султана с боеприпасами для Кьяи Деманга Пурваседаны». Команде судна приказали принять груз – порох и пули, и посланцы отбыли, а их капитану Кьяи Деманг велел передать поклон.

Затем Кьяи Деманг приказал созвать всех капитанов, прибывших с ним из Семангки на своих судах. Собравшись, они спросили: «Зачем ты созвал нас, датук⁵²?» Кьяи Деманг Пурваседана сказал: «Я пригласил всех вас сюда потому, что султан и Компания даровали мне титул, и прежнее свое прозвание я носить уже не могу. Я не просил об этом, и все это мне не по душе. Не ведаю, принесет ли это нам благо или вред».

Капитаны заговорили, одни считали, что это пойдет во благо, а другие – что во вред. Говорит Кьяи Деманг Пурваседана: «Что поделаешь: правитель и Компания возложили на нас это бремя. Я же предаю себя Аллаху: счастье и злосчастье в его руках, я не спорю. Случилось так, что я нахожусь под властью правителя и Компании и не могу действовать по собственному произволу, но лишь по их приказу». По завершении беседы капитаны вернулись на свои суда, накупили товаров и были готовы к отплытию в Семангку.

Настал день, когда Кьяи Деманг пришел к пангерану Кусуманинграту и сообщил, что он вместе со всеми капитанами возвращается в Семангку. Затем он явился в крепость к губернатору и поведал о своем намерении отбыть в Семангку со всеми малайскими торговыми судами. Выслушав Кьяи Деманга Пурваседану, губернатор сказал: «Хорошо, Кьяи Деманг Пурваседана! Будь бдителен и не допускай размолвок между старостами. Когда перец высохнет, пусть он долго не залеживается в Лампунге-Семангке».

По завершении беседы [Кьяи Деманг Пурваседана] вернулся к себе на судно. Все суда отплыли в Семангку и вскоре уже были на месте. Так и повелось из года в год у малайских купцов из Семангки.

VII

Миновало три года, и Кьяи Деманг получил письмо из Круи⁵³ от господина Норриса, петора, доставили же его два солдата. В письме содержалась просьба сопровождать солдат с этим письмом в Батавию, к господину Гардену, англичанину, бывшему в ту пору агентом, присматривающим

⁵¹ Сампан (от китайского *шам пай* – «три доски») – вид дощатых плоскодонных лодок.

⁵² *Datuk* – почетный титул человека высокого положения.

⁵³ Британский форпост на юго-западном побережье Суматры.

за всеми господами⁵⁴ в городе Бенгкахулу⁵⁵. И Кьяи Деманг Пурваседана препроводил солдат, везших письмо, в Батавию.

В тот же месяц разнеслась весть, что Бенгкахулу воюет против Франции⁵⁶. Тут многие жители Круи перебрались в Семангку и явились к Кьяи Демангу Пурваседане. Кьяи Деманг сказал: «Живите по соседству с нами в Семангке, и не бойтесь французов. Ничего не случится – Семангка находится во владении Голландской компании. Когда в Бенгкахулу все уляжется, вы, если захотите, сможете вернуться в Круи».

Миновало пять месяцев с того времени, как французы покинули Бенгкахулу, и вот по приказу султана и губернатора прибыло судно из Бантена за грузом перца. Судно причалило в Семангке, и Кьяи Демангу Пурваседане был передан приказ султана и губернатора взять с собой на борт тех, кто хорошо знает Круи. Забрав их и кое-каких жителей Семангки, судно проследовало в Круи. В Круи загрузили перец и отплыли в Бантен. Спустя некоторое время сообщили о появлении в Круи Английской компании, и султан больше не посылал суда в те края.

Миновал год. Доставкой перца в Бантен занимались два судовладельца из Семангки: капитан Сетиа и капитан Дугам. Как-то, прибыв в Бантен, они провели разгрузку, а затем приобрели товары, предназначенные для доставки в Бенгкахулу. Сделав закупки, они приплыли назад в Семангку, отремонтировали суда, потом загрузили в них все купленное. На вопрос Кьяи Деманга Пурваседаны: «Куда вы собрались, капитан Сетиа и капитан Дугам?» те ответили: «В Бенгкахулу».

На это Кьяи Деманг Пурваседана [сказал им]: «Плыть в Бенгкахулу нельзя, это запрещено Голландской компанией. Любого, кто отправится в Бенгкахулу, ждут неприятности». Судовладельцы заявили: «Не бойся, господин, все обойдется, у нас есть голова на плечах». Кьяи Деманг сказал: «Пусть так, но плыть в Бенгкахулу вам не следует». Судовладельцы промолчали. К ночи они отплыли, и им в том не препятствовали.

Спустя год прибыло из Бантена торговое судно, владельца его звали капитан Джамил. По прибытии в Семангку он обратился в Кьяи Демангу Пурваседане с такими словами: «Не дашь ли мне в сопровождение тридцать человек? Губернатор послал меня в Круи поглядеть, что там и как»⁵⁷. Так сказал Капитан Джамил.

Кьяи Деманг спросил: «Зачем вы собрались в Круи? Ведь в Бенгкахулу, как говорят, уже управляет Английская компания». Капитан Джамил

⁵⁴ Словом "Туан" (господин) автор обычно именуется европейцев.

⁵⁵ Другое название, принятое у англичан, – Бенкулен (Bencoolen).

⁵⁶ В апреле 1760 г. Бенгкахулу был захвачен французским эскадром под командой графа д'Эстена (comte d'Estaing), но в течение того же года французы покинули его [4, с. 41].

⁵⁷ По мнению Марсдена, задачей экспедиции было выяснить, не укрепились ли англичане на этой территории, и завладеть ею [4, с. 43].

сказал: «Как бы то ни было, губернатор приказал нам добраться до Круи». И капитан Джамил с этими тридцатью двинулся в путь.

Спустя месяц они вернулись в Семангку, ибо узнали, что посланец губернатора из Бенгкахулу собирается в Круи. С прибывшим из Бенгкахулу капитану Джамилу не хотелось встречаться. В Семангке же он обнаружил капитана Сетиа и капитана Дугама, вернувшихся из Бенгкахулу.

Капитан Джамил отбыл в Бантен, но увидеться с губернатором, господином Самбереком, ему уже не пришлось: того перевели в Семаранг, присвоив статус хидалира⁵⁸. А бантенским губернатором стал господин Пур. Капитан Джамил сказал ему: «Господин губернатор, я прибыл из Круи, губернатор Самберек посылал меня посмотреть, как там идут дела. Когда я оказался в Круи, из Бенгкахулу прибыл человек, посланный губернатором⁵⁹ для вступления в должность управляющего этим краем».

Выслушав капитана Джамилу, губернатор сказал: «Что поделаешь, раз там уже есть хозяева, нам там делать нечего». Затем Капитан Джамил направился к алпересу⁶⁰ Бантена Си Талибу, полукровке-макасарцу⁶¹. Тот спросил капитана Джамилу: «Что слышно в Семангке?» Капитан Джамил сказал: «Ничего особенного, вот только на днях я встретил капитана Дугама и капитана Сетиа, что недавно вернулись из Бенгкахулу». Говорит алперес: «А ты не докладывал об этом губернатору?» Капитан Джамил сказал: «Никому, кроме тебя, я не сообщал об этом».

Наутро алперес и капитан Джамил отправились к губернатору, господину Пуру, и объявили ему: «Есть такое место – Семангка, оно находится в вашем ведении. Год за годом множество судов отправляется оттуда в Бенгкахулу». И добавил: «В Семангке есть два новых судна, что недавно вернулись оттуда, их направил туда главный в Семангке, зовущийся Кьяи Демангом Пурваседаной. Этот титул он получил от султана и губернатора, господина Самберека. Он заслужил это звание тем, что охранял свой край и присматривал за судами, отправлявшимися в Бенгкахулу. Ныне Кьяи Деманг – самый богатый человек в Семангке».

Губернатор спросил: «А бывает ли он в Бантене? Если прибудет, я смогу наложить на него взыскание». Капитан Джамил сказал: «Когда я отбыл, он как раз строил судно для доставки перца в Бантен».

По завершении беседы, алперес и Капитан Джамил разошлись по домам. Алперес был в гневе, ибо обнаружил, что еще со времен губернатора Самберека из Семангки ежегодно отправляют перец, минуя его самого.

⁵⁸ Edele heer (голл.) – благородный (родовитый) господин. Согласно принятой у голландцев титулатуре, так обращались к чиновнику, имевшему статус Orregerkoopman (букв. «Главный купец»).

⁵⁹ То есть британским губернатором.

⁶⁰ Alperes (от исп. Alférez) – младший офицер, чиновник низкого звания.

⁶¹ В других источниках – «полукровка-минангкабау».

С приездом господина Пура алперес Си Талиб стал его доверенным лицом, губернатор спрашивал его совета по любому поводу и был весьма к нему расположен.

Спустя примерно пять месяцев в Бантен прибыл Кьяи Деманг Пурваседана с несколькими малайскими судами, а с ним и сыновья, Капитан Буюнг и Капитан Лела. Си Бантен и Лауддин также прибыли в Бантен. Всего приплыло двенадцать судов, до краев нагруженных перцем. Когда все они пришвартовались, Кьяи Деманг отправился к чиновнику налоговой службы. Войдя, он почтительно приветствовал его, а тот спросил: «Когда вы прибыли, Кьяи Деманг?» Государь сказал: «Только что, господин. Со мной двенадцать человек, мы доставили перец». Чиновник молвил: «Хорошо, Кьяи Деманг Пурваседана. Пойдем-ка мы к губернатору – сейчас это новое лицо. Дошла ли до вас в Семангке весть, что губернатор теперь другой?» Ответил Кьяи Деманг: «Мы об этом не слышали, господин».

Переговорив, они с чиновником направились в город к губернатору. Явившись, они почтительно приветствовали его, и чиновник сказал: «Господин губернатор, перед вами Кьяи Деманг Пурваседана из Лампунга-Семангки, действующий от лица Компании и султана, и знающий обо всем, что там происходит». Следом за чиновником заговорил и Кьяи Деманг Пурваседана: «Господин губернатор, я привез перец. Со мною двенадцать судов, нагруженных до краев. Но мне хотелось бы сообщить вам о том, что сейчас происходит в Семангке. Без моего ведома в Бенгкахулу совершили рейс два судна. Сейчас они возвратились оттуда и находятся в Лампунге-Семангке».

Губернатор сказал: «Стоит ли говорить об этом, я уже слышал эту новость». По окончании беседы чиновник и Кьяи Деманг Пурваседана попрощались с губернатором и удалились. Кьяи Деманг Пурваседана отправился к пангерану Кусуманинграту и сообщил ему, что вместе с ним из Семангки пришли двенадцать судов с грузом перца. Слова Кьяи Деманга о прибытии из Семангки столь богатого груза перца обрадовали пангерана.

По завершении разговора Кьяи Деманг Пурваседана откланялся и вернулся к себе на судно. К раннему утру следующего дня весь груз с лодок был доставлен на берег, принимать его пришли конторские служащие Компании и султана. Груз был взвешен, и спустя примерно месяц губернатор пригласил к себе Кьяи Деманга Пурваседану. Для этого на судно был послан солдат, сообщивший: «Кьяи Деманг Пурваседана, меня послал господин губернатор, дабы сопровождать тебя к нему».

Выслушав солдата, государь отправился в путь. Прибыв в крепость, он почтительно приветствовал губернатора, а тот сказал: «Я позвал тебя, чтобы поговорить о тех двух судах, что плыли в Бенгкахулу. Я слышал об этом не от них самих, а от тебя. Полагаю, что вина лежит не на них, но на тебе. Отчего ты их не задержал? Думаю, что в Бенгкахулу их направил именно ты. За это я взыщу с тебя двести реалов».

На слова губернатора Кьяи Деманг ответил: «О, господин губернатор, я их в Бенгкахулу не посылал. Но каким бы ни было твое решение, я его приму, как если бы я и на самом деле послал их туда». Губернатор сказал: «Не перечь мне, Кьяи Деманг Пурваседана, и завтра с утра доставь мне двести реалов».

Выслушав губернатора, государь вернулся к себе на судно. Затем он приказал созвать всех судовладельцев, прибывших из Семангки вместе с ним. Когда все собрались, государь сказал: «Я собрал вас здесь потому, что был приглашен к губернатору по поводу капитана Сетиа и капитана Дугама, плававших в Бенгкахулу. Губернатор решил, что послал их туда я и что все это случилось по моей вине. Вот какая напасть со мной приключилась. Теперь губернатор взыскивает с меня двести реалов. Что вы об этом думаете?»

Судовладельцы сказали: «На наш взгляд, ты должен пойти к пангерану Кусуманинграту и обо всем рассказать. Нам всем хорошо известно, что ты не посылал Капитана Сетиа в Бенгкахулу и не давал ему на то разрешения. Но, раз так решило начальство, мы готовы собрать эту сумму».

Государь промолвил: «Не стоит этого делать. Могут подумать, что мы идем наперекор Компании. Я заплачу штраф. Рассказал я вам об этом, чтобы показать, что против меня орудуют некие важные особы. Полагаю, что ни перед Компанией, ни перед султаном или жителями Семангки нет никакой моей вины. Предаю себя воле Аллаха. Что подедаешь – капитан Сетиа и капитан Дугам меня подвели. Даже если мне суждено погибнуть из-за содеянного моими сородичами из Семангки, пусть Аллах свершит свою волю».

Говорят судовладельцы: «Если с тебя взыскивают двести реалов, сто пятьдесят заплатим мы, а пятьдесят – ты». Так порешили судовладельцы из Семангки.

Когда штраф был уплачен, губернатор повелел, чтобы Кьяи Деманг Пурваседана и все суда из Семангки вернулись в свои края. Их должны были сопровождать четыре солдата и капрал с женой. Им было приказано нести караул у шеста с флагом⁶². Губернатор Пур объяснил султану, что, если Компания не укрепитя в Семангке, этот край перейдет под власть Англии. Капрала же этого звали Раус.

Кьяи Деманг воротился в Семангку, взяв с собой пятерых мужчин-голландцев и одну женщину. В Семангке для них построили дом. Компании это не стоило и медного гроша, все затраты взял на себя Кьяи Деманг, а семангские малайцы помогали в постройке дома и участка вокруг, по всем правилам. Капрал же этот был несдержан на язык. Если он отдавал приказ, то любое промедление влекло за собой телесные наказания. Четверых малайцев капрал избил за то, что они опоздали с завершением работ. Спустя

⁶² Голландским флагом как символом их господства в Семангке.

три месяца прибыли еще восемь голландских солдат, из них один сержант с женой, и теперь в Лампунге-Семангке насчитывалось тринадцать мужчин-голландцев и две женщины, общим счетом – пятнадцать человек.

VIII

Когда с дня приезда голландцев в Семангку миновало восемнадцать месяцев, туда прибыл британский двухмачтовый корабль из Бенгкахулу под командованием капитана Форреста⁶³. Когда голландский сержант увидел приближающееся судно, он явился сообщить об этом Кьяи Демангу: «Появился корабль под британским флагом, мы увидели это в подзорную трубу». Так сказал капрал⁶⁴.

Говорит Кьяи Деманг Пурваседана: «А каковы были распоряжения губернатора вам в случае прибытия в Семангку кораблей, будь то голландских или британских?» Капрал ответил: «Губернатор приказал мне лишь одно: поднимать флаг, и это единственное, что мне известно». Таковы были слова капрала.

Говорит Кьяи Деманг: «Губернатор господин Самберек установил правило: в случае прибытия судна, откуда бы оно ни двигалось, необходимо направлять ему навстречу лодку, которая покажет путь к удобной якорной стоянке. Если же со стороны моря судно откроет огонь из пушек, нам следует ответить тем же с берега».

На эти слова Кьяи Деманга сержант и капрал ответили: «Согласны с тобой. Сейчас мы с капитаном Буюнгом отправимся на лодке и поглядим, что это за судно». И капрал Раус с капитаном Буюнгом и четырьмя гребцами двинулись на лодке к кораблю.

Когда они подплыли, капитан обратился к капралу Раусу с вопросом: «Где здесь удобнее всего причалить?» Капрал ответил: «Не знаю. Вот капитан Буюнг знает все про здешний порт». Капитан спросил капитана Буюнга, и тот ознакомил его с портом. Было выбрано удобное место, и корабль бросил якорь.

Когда судно встало на якорь, капитан сошел на берег вместе с голландским капралом и капитаном Буюнгом, а затем проследовал в кампунг, где жил голландский капрал. Кьяи Демангу сообщили, что капитан находится у капрала Рауса, и государь отправился туда. Увидев капитана, он приветствовал его, и тот ответил на приветствие. Капитан спросил капрала: «Кто этот человек?» Капрал Раус сказал: «Это Кьяи Деманг Пурваседана, правитель этого края. Губернатор и султан Бантена возложили на него обязанность управлять Семангкой».

⁶³ Капитан Томас Форрест (ок. 1729 – ок. 1802), служивший на судах Британской Ост-Индской компании, известный позднее благодаря своей книге «Путешествие в Новую Гвинею» (1774).

⁶⁴ В тексте книги «капрал» иногда именуется «сержантом», и порой неясно – два это персонажа или один.

Затем капитан Форрест вернулся на корабль. Назавтра в восемь часов утра капитан сошел на берег, явился в дом к капралу Раусу и сказал ему: «Пусть нам добудут уток, кур и коз». О прочих своих нуждах он также сообщил голландскому сержанту. Голландец сказал: «Не сердись на меня, господин, я в этих краях человек новый, прожил здесь недолго. Если в чем-то у тебя есть нужда, обратись к Кьяи Демангу – здесь он надо всеми главный. Я же по распоряжению губернатора, господина Пура, поставлен на страже флага».

Выслушав голландца, капитан велел позвать Кьяи Деманга. Его посланец явился в дом в Кьяи Демангу и сказал: «Капитан и сержант просили тебя явиться». Тотчас же государь отправился в дом к голландскому сержанту и поздоровался с капитаном, а тот в ответ засвидетельствовал Кьяи Демангу свое почтение. Капрал Раус сказал: «Мы с капитаном просили тебя, Кьяи Деманг, прийти и помочь нам. Нам требуются куры, утки, козы, и кое в чем еще мы испытываем недостаток».

Кьяи Деманг спросил: «А что об этом думают капрал и сержант?» Сержант сказал: «Это не наше дело. Если же Кьяи Деманг может подействовать капитану, пусть сделает все, что в его силах». Капитан сказал: «Кьяи Деманг, окажи мне помощь! Пусть мне найдут кур, уток и коз – провизию для нашего плавания».

Выслушав сержанта, капрала и капитана, Кьяи Деманг сказал: «Хорошо, капитан, я помогу, но прошу тебя обождать до завтрашнего утра. Если получится, не считай это услугой, а не получится – не гневайся на меня».

Затем капитан вернулся к себе на судно. Кьяи Деманг сказал сержанту: «Как полагаешь насчет капитана – помочь ему или нет?» Сержант ответил: «Что же, Кьяи Деманг, помоги, если можешь». Кьяи Деманг вернулся домой и распорядился, чтобы ему доставили кур и уток. Наутро капитан сошел на берег и отправился к Кьяи Демангу. Тому удалось добыть все, что было потребно капитану. Десятью днями позже капитан отплыл из Семангки в неизвестном направлении.

IX

Спустя четыре дня после его отплытия из Бантена прибыл алперес Си Талиб, направлявшийся в Бенгкахулу. Из-за противного ветра его дальнейшее плавание было невозможным. Он явился к Кьяи Демангу и сказал: «Губернатор господин Пур послал меня в Бенгкахулу с грузом риса. Однако он распорядился: [если не доберешься до Бенгкахулу, разгрузайся в Круи], если же не сможешь добраться до Круи, оставь груз в Семангке у Кьяи Деманга. Таков был его приказ. Назад в Бантен рис везти не надо, так и скажи Кьяи Демангу».

Выслушав алпереса Си Талиба, Кьяи Деманг приказал созвать всех судовладельцев Семангки. Когда все было в сборе, он объявил им: «Я пригласил вас сюда вот по какой причине. Губернатор направил алпереса в

Бенгкахулу с грузом риса и приказал ему: если не попадешь в Бенгкахулу, разгрузайся в Круи и передай груз тамошнему петору. Ну а если не доберешься и до Круи, бросай якорь в Семангке. И груз этот достался мне. Что об этом думаете, господа?»

Ответить на вопрос было нелегко. Вес груза достигал десяти коянов. Это был яванский рис, уже попорченный долгоносиком⁶⁵. Алперес спросил: «Что скажете, господа судовладельцы, на слова Кьяи Деманга?» Ответил судовладелец по прозвищу Семпурна: «Думается мне, поначалу можно попробовать продавать этот рис по устьям рек в пределах Семангки. Если торговля пойдет, сколько за него просить?» Алперес Си Талиб сказал: «Губернатор приказал отдавать рис по цене двенадцать [...]»⁶⁶ за реал». [Капитан Семпурна спросил:] «А если по этой цене не пойдет, что тогда скажете, господа Кьяи Деманг и алперес?»

Выслушав капитана Семпурну, Кьяи Деманг позвал своего сына Капитана Лелу и отправил его торговать рисом с лодки, вмещавшей два кояна груза. Спустя два месяца почти весь рис был распродан.

Алперес пробыл в Семангке три месяца. Стали тут они с голландским сержантом Раусом советоваться, как бы навредить Кьяи Демангу. Как-то алперес сказал сержанту: «Нравится мне здесь, в Семангке». А сержант в ответ: «Нечего тебе здесь делать: тут Кьяи Деманг главный. Разве ты можешь стать более важной персоной? Ведь он чувствует себя здесь, как дома».

Алперес объявил: «Хочешь, будем заодно и решим, как нам быть?» Сержант молвил: «Скажи, что ты сам думаешь, а я послушаю».

Алперес произнес: «Сочини письмо губернатору в Бантен, где будет объявлено, что Кьяи Деманг продал рис англичанам, заходившим в наш порт, и что, пока они были в Семангке, Кьяи Деманг совсем с тобой не считался. Еще напиши, что я, алперес Си Талиб, также осведомлен о поведении Кьяи Деманга. Не отправляй письма до моего отплытия. Письмо прибудет в Бантен вскоре после меня, и губернатор сможет меня расспросить. Если мне удастся уговорить его выпроводить Кьяи Деманга из Семангки, заправилами в этом краю сможем стать мы с тобой. От этого нам будет явная выгода!»

Выслушав алпереса Си Талиба, сержант Раус ответил: «Коли ты так все рассчитал, поспеши в Бантен: мне известно, что туда вскорости отправится судно с грузом перца. Письмо отвезет моя жена, она отправится с этим судном». Так сказал сержант алпересу Си Талибу.

По завершении переговоров алперес вернулся в Бантен. Спустя примерно десять дней в Бантен отплыл энчик Лаут с грузом перца. На его судне находилась супруга сержанта, везшая губернатору письмо.

⁶⁵ Долгоносик рисовый (лат. *Sitophilus oryzae*) – вредитель, наносящий вред хранящимся продуктам, в первую очередь рису.

⁶⁶ В оригинале единицы подсчета не указаны. У Марсдена «галлонов» [4, с. 54].

Через тринадцать дней после прибытия алпереса в Бантен супруга сержанта Рауса принесла письмо губернатору, господину Пуру, и оно было прочитано. В письме сообщалось, что Кьяи Деманг продал перец англичанам, прибывшим из Бенгкахулу, и что за все время пребывания капитана Форреста в Семангке Кьяи Деманг никак не считался с сержантом. «Если же губернатор не верит мне, пусть спросит алпереса Си Талиба, который сейчас находится в Семангке».

Ознакомившись с письмом, губернатор послал за алпересом Си Талибом. По его приходе он спросил: «Что слышно из Семангки? Мне рассказывали, что из Бенгкахулу прибыл британский корабль под началом капитана Форреста и бросил якорь в Семангке. Сообщили, что Кьяи Деманг продавал перец этому капитану и что за все время пребывания последнего в Семангке Кьяи Деманг не обращал внимания на сержанта Рауса и слушался одного лишь капитана».

Затем губернатор молвил: «Отчего же ты за все это время не сообщил мне, что происходит?» Алперес проговорил: «Я боялся дать знать об этом, дабы не показаться клеветником». На эти слова губернатор ничего не сказал, и алперес удалился.

Когда все суда возвратились в Семангку, в их числе был и энчик Лаут. Губернатор приказал, чтобы супруга сержанта Рауса вернулась в Семангку на его судне, а с ней еще три голландца.

Х

Месяц спустя после прибытия энчика Лаута в Семангку губернатор направил туда двухмачтовый кеч⁶⁷. Завидя его приближение, Кьяи Деманг направился к сержанту Раусу и спросил: «Что это там на подходе – не корабль ли?» Сержант сказал: «Не ведаю: то ли корабль, то ли нет».

Кьяи Деманг сказал: «А каков будет приказ, если они произведут пушечный залп? Отвечать им или нет?» Сержант сказал: «Не стоит. Судя по всему, у нас равные силы. Кто знает, откуда они взялись. Пока ничего не известно». Когда кеч подошел поближе, стали видны поднятые на нем голландские флаги. Сержант позвал капитана Буюнга и приказал плыть навстречу. Сержант Раус и капитан Буюнг на небольшой лодке с четырьмя гребцами тронулись в путь. Оказавшись у кеча, сержант Раус и капитан Буюнг поднялись на борт и приветствовали капитана.

Кеч стал на якорь, с судна прозвучал приветственный залп, а затем капитан сошел на берег. Кьяи Деманг ожидал его близ устья реки. Когда капитан подошел, Кьяи Деманг приветствовал его. Капитан, выражая государю свое недовольство, спросил: «Кьяи Деманг, почему я не услышал ответного залпа? Или ты выше меня по положению, потому и не ответил на мой залп?» Государь молвил: «Я не приветствовал тебя пушечным

⁶⁷ Кеч (англ. Ketch) – тип двухмачтового парусного судна с косыми парусами.

залпом, потому что сержант Раус сказал мне, что при звуке пушки производить ответный залп не следует».

Раздраженный капитан [сказал]: «Значит, ты исполняешь приказы сержанта?» Кьяи Деманг промолчал, полагая, что перечить капитану не следует. Завершив беседу, капитан вернулся на кеч.

Назавтра рано утром капитан сошел на берег и приказал собрать всех жителей малайских кампунгов, а затем переписал их. Сделав это, он объявил Кьяи Демангу: «Все они должны заняться постройкой деревянной крепости». Он произвел замеры участка земли и наметил границы крепости: сорок [морских сажений⁶⁸] в длину и сорок в ширину.

Кьяи Деманг спросил капитана: «А как будет строиться крепость? Должны ли работать одни лишь малайцы, или нам окажут помощь местные старосты⁶⁹? Думаю, если одни малайцы будут трудиться, строительство крепости затянется».

На слова Кьяи Деманга капитан ответил: «Поступай, как считаешь нужным, а я приму это к сведению». Кьяи Деманг сказал: «Полагаю, что нам необходима помощь местных старост. В Лампунге-Семангке есть некий пангеран Ваи Ратна, самый главный из пангеранов. Не переговоришь ли ты с ним?»

Капитан выслушал Кьяи Деманга, и они оба направились в селение пангерана Ваи Ратны. Там капитан обратился к пангерану с такими словами: «Я пришел к тебе, пангеран, ибо губернатор Бантена послал меня в Семангку, чтобы подыскать место для торгового порта, наподобие тех, что есть на Яве. Я нашел подходящее место в малайском кампунге, а вы с Кьяи Демангом подумайте, как привлечь работников на строительство».

Пангеран сказал: «Согласен, капитан. Только дай мне время, и через пять дней я займусь постройкой». По завершении разговора капитан с Кьяи Демангом вернулись в малайский кампунг.

XI

Назавтра капитан направил Кьяи Деманга изучать границы владений Британской и Голландской компаний. Это место именовалось Муара Танда⁷⁰. Кьяи Деманг и капитан отправились, капитан на своем пенчаланге, а Кьяи Деманг на своем, вместе с сыновьями – Капитаном Буюнгом и Си Бантенем. Капитан Лела и Лауддин остались дома.

Прибыв к месту, где была отмечена граница, капитан приказал убрать пограничный знак, установленный Британской компанией и обозначающий британские владения, и унес его. Капитан провел с Кьяи Демангом на этом месте три дня, а затем вернулся в Семангку на борту его

⁶⁸ Так у Древеса [7, с. 139]. В оригинале это слово пропущено.

⁶⁹ То есть старосты поселений других этнических групп.

⁷⁰ Muara Tanda – букв. «демаркационный знак в устье реки».

пенчаланга. Подплыв к кечу, капитан сказал Кьяи Демангу: «Пойдем ко мне на кеч, отдохнем часок-другой». На слова капитана Кьяи Деманг ответил: «Хорошо, капитан, я буду рад посмотреть, как там все устроено у тебя на судне». И поднялся на кеч.

А сержант Раус явился к Капитану Леле и Лауддину и сказал: «Капитан Лела, пойдем к нам на кеч к Кьяи Демангу и капитану. И брата бери с собой». Затем Капитан Лела, Лауддин и три гребца с их лодки вместе с сержантом Раусом отправились на кеч.

Когда Капитан Лела оказался на палубе кеча, сержант и капитан обратились к нему с требованием, чтобы он отдал свой крис. Капитан Лела заявил: «Ничего не случится, если крис останется при мне. Даже в Бантене мне это не возбранялось». Услышав спор Капитана Лелы с капитаном, Кьяи Деманг сказал: «Ничего, отдай крис, как велит капитан». После слов отца Капитан Лела снял и отдал свой крис, так же поступил и Лауддин. Затем Капитан Лела и Лауддин прошли в каюту и сели рядом с отцом, Кьяи Демангом Пурваседаной, и братьями – Капитаном Буюнгом и Си Бантеном.

Тут капитан обратился к Кьяи Демангу с такими словами: «Ты, Кьяи Деманг, и четверо твоих сыновей не сможете покинуть это судно. Господин Пур, губернатор, прислал меня, чтобы я вывез вас отсюда. Для этого я и прибыл в Семангку». На эти слова Кьяи Деманг ответил: «Хорошо, капитан. Только ты зря сам явился за мной. Простого письма было бы достаточно, ибо я всегда повиновался тебе».

По завершении разговора капитан сошел на берег и отправился в дом к Кьяи Демангу. Там он распорядился, чтобы вокруг выставили стражу, а затем капитан с сержантом Раусом вошли в дом. Капитан забрал все имевшееся в нем имущество, и четверо солдат доставили его на кеч. Безотлучно, и днем, и ночью капитан находился в доме Кьяи Деманга. Что ни день, в его кампунге закалывали буйвола, пировали и веселились.

А самого Кьяи Деманга и его четверых сыновей сторожили солдаты под командой голландского капрала. Еду же ему доставляли из дома братьев, капитана Дармана и капитана Семпурны. Ежедневно капитан Семпурна и капитан Дарман привозили еду для Кьяи Деманга, и все привезенное должны были предъявлять солдатам, стоявшим на страже. После проверки Кьяи Деманг мог получить эту еду. Так и повелось изо дня в день.

Как-то раз капитан Семпурна явился к капитану, неся в руках ласточкино гнездо⁷¹, и обратился к нему с такими словами: «Хочу спросить, как там дела у Кьяи Деманга и его четверых сыновей? Разрешат ли им вернуться в Семангку или же нет?» Капитан спросил: «А почему ты спрашиваешь?» Капитан Семпурна сказал: «Дело в том, что я сам родом не из

⁷¹ Ласточкины гнезда считаются деликатесом, из них в странах Восточной и Юго-Восточной Азии готовят множество блюд.

Семангки, а из Батавии, из малайского кампунга. Я прибыл сюда следом за Кьяи Демангом, который всегда был добр ко мне. Если ему не позволят вернуться в Семангку, я уеду обратно в Батавию».

Выслушав капитана Семпурну, капитан сказал: «Не знаю и не ведаю, может Кьяи Деманг вернуться в Семангку или нет, только слышал я, что он очень провинился перед [Голландской] компанией. Дошло до меня, что он продавал перец Британской компании». Ничего не ответил капитан Семпурна и удалился. Он доставил провиант для Кьяи Деманга на кеч и рассказал о речах капитана. На это Кьяи Деманг ответил: «О, капитан Семпурна, не тревожься. Нет моей вины ни перед Компанией, ни перед султаном. Полагаюсь лишь на помощь Аллаха, преславлен Он, Всевышний. Пусть я погибну, но не по своей вине. Предаю себя Аллаху». Затем капитан Семпурна сошел на берег.

После его ухода Капитан Буюнг и Капитан Лела обратились к отцу с такими словами: «Оставь свои раздумья, батюшка, и послушай. Нет у нас больше мочи терпеть такое обращение. Чем жить так, лучше умереть. Мы хотим атаковать голландцев и просим на то твоего согласия».

Выслушав сыновей, Кьяи Деманг ответил: «Не беспокойтесь, дети. Если капитан доставит нас в Бантен, султан поможет нам. Если же нас отвезут в Семаранг, помощь нам окажет тамошний хиделир»⁷². Говорят Капитан Лела и Капитан Буюнг: «Если нас доставят в Бантен, Батавию или Семаранг, случится так, как ты говоришь. Но если местом ссылки станет остров Дамар⁷³, кто нам поможет? Нас, братьев, посадят за витье веревок, а что ждет тебя, батюшка, неизвестно. Не ведаем, что приключится с нашими братьями и сестрами, куда их повезут, и не станут ли они рабами у голландцев. Все твое имущество тебе не возвратят, это уже ясно. Кто знает, долго ли еще ты проживешь, но мы, четверо братьев, будем скорбеть о тебе до своего смертного часа. Позволь нам действовать: мы не хотим, чтобы голландцы куда-то увезли нас. Лучше умереть, чем вечно тосковать, оставшись в живых».

Выслушав четверых сыновей, Кьяи Деманг призадумался, а затем сказал: «Что же, дети, если таково ваше намерение, я могу лишь уповать на волю Аллаха и его Пророка. Но на меня не рассчитывайте: нет у меня больше сил биться с врагом».

Говорит Капитан Лела: «Даже будь ты готов сражаться, мы бы этого не допустили. Ты уже стар годами, и, если тебя постигнет смерть в этой схватке, мы не будем знать, как поступить. Если же над нами четверьмя Аллах свершит свою волю, ты увезешь отсюда наших сестер. Даже если

⁷² Edele heer (голл.) – высокородный. Имеется в виду Ван Оссенберх (Van Ossenberch), губернатор северного побережья Явы с октября 1761 по май 1765 г.

⁷³ Имеется в виду о. Эдам, самый северный из островов в Батавском (Джакартском) заливе.

ты один останешься на этом свете, люди по-прежнему будут почитать тебя⁷⁴».

Слушая сыновей, Кьяи Деманг не мог сдержать слез: он чувствовал, что кого-то из четверых ждет гибель, а если и не гибель, то раны, ибо голландцы установили неусыпный надзор над ними. Караульных было восемь: двое на носу судна, двое в средней его части, на корме у штурвала – двое, на палубе рубки – еще двое, и все с ружьями. Так голландцы стерегли Кьяи Деманга и четверых его сыновей. А в кампунге Кьяи Деманга, в его доме, дежурили капитан, сержант и дюжина солдат. В голландском кампунге⁷⁵ оставался капрал с пятью солдатами. Вот с кем предстояло сразиться Кьяи Демангу с сыновьями, а также братьями – капитаном Семпурной и капитаном Дарманом.

Взвесив все, Кьяи Деманг без колебаний принял решение атаковать и сказал: «Сообщите об этом капитану Семпурне». Вскоре явился и капитан Семпурна с едой. Капитан Буюнг спросил его: «Чем ты сейчас занимаешься?» Капитан Семпурна молвил: «Особых занятий у меня нет, я лишь велел Си Дарману построить лодку для доставки еды. Куда бы вас пятерых ни услали, мы отправимся вслед».

Капитан Лела сказал: «Не хлопочи больше, только поразмысли, как бы добыть оружие для нас. Мы намереваемся сражаться: не хотим, чтобы Голландская компания услала нас неведомо куда. Не добудем хорошего оружия – что же? Биться мы будем все равно».

Выслушав юношу, капитан Семпурна сошел на берег и сообщил капитану Дарману: «Молодые, четверо братьев, рвутся в бой. Кьяи Деманг уже дал на это свое согласие. Но как же нам доставить оружие всем пятерым?»

Капитан Дарман отправился на поиски сиваров⁷⁶ и добыл четыре добрых клинка. Затем капитан Семпурна условился со своими родичами и родичами Кьяи Деманга, что те будут биться на берегу, ожидая, пока Кьяи Деманг, одержав верх в схватке на борту, не сойдет с корабля. Таковых набралось двенадцать человек.

В четыре часа пополудни появился капитан Дарман, несущий рис в плетеной корзине. В рисе были спрятаны четыре сивара. Когда капитан Дарман поднялся на борт, Капитан Лела забрал корзину. Капитан Дарман сказал: «Там, в рисе – сивары». Капитан Лела поспешил отнести ее к братьям, и они принялись есть прямо из корзины. Стражник-голландец молча наблюдал за четверкой братьев, евших прямо из корзины, словно их держали без пищи четыре-пять дней. По завершении трапезы они оставили корзину у себя, а Капитан Дарман вернулся на берег.

⁷⁴ У Марсдена: «готовы оказать тебе поддержку» [4, с. 65].

⁷⁵ У Марсдена: «в голландском караульном помещении» [4, с. 65].

⁷⁶ Siwar (также sewah) – короткий кривой нож.

В ту же ночь Капитан [Дарман] приказал двум людям быть наготове с лодкой. Условились так: заметив огонь [на судне], они должны были сразу же двигаться навстречу – это значило бы, что попытка удалась. В случае, если бы с моря слышались выстрелы, людям, находившимся на берегу, следовало вступить в бой, чтобы [враги] не добрались до кеча. Так распорядился Капитан Дарман.

А Кьяи Деманг с сыновьями уже шесть дней и шесть ночей были пленниками. На седьмой день к трем часам утра Кьяи Деманг с сыновьями начали бой. Ждать до трех часов следовало, потому что луна светила ярко, а ветер был неблагоприятный⁷⁷, и они опасались, что голландцы, находящиеся на берегу, не позволят Кьяи Демангу добраться до дома и перебьют всех его домочадцев.

К трем часам ночи спустился мрак, ветер подул с берега на сушу, и Капитан Буюнг, Капитан Лела, Си Бантен и Лауддин, вооружившись сиварами, пребывали в полной готовности. Сам Кьяи Деманг в ту ночь находился в другом месте, испросив на то разрешения у голландского капрала. То была довольно просторная каюта, где висели двадцать копий. Прежде они принадлежали Кьяи Демангу, но голландцы забрали копьа себе. Самого его в этой каюте стерегли двое из них.

Капитан Лела сказал Лауддину: «Пойдем выручать отца. Этих двух голландцев мы должны прикончить». «Хорошо, – молвил Лауддин, – но сначала я буду действовать по-хорошему». И Лауддин зашел в каюту, где находился его отец. Голландцы спросили: «Чего тебе здесь нужно?» Лауддин сказал: «Мне захотелось повидать отца и предложить ему бетель – он не совсем здоров». Голландцы промолчали. Затем Лауддин пошел к братьям, захватил сивар и бетель и вернулся к отцу. Капитан Лела пошел на нос судна, а Капитан Буюнг с Си Бантенем остались в средней его части, где было больше всего голландцев.

Спустя полчаса Капитан Лела завязал схватку на носу, а за ним – Капитан Буюнг и Си Бантен. Лауддин с отцом прикончили тех двух голландцев. У Кьяи Деманга был большой пистолет, дар Компании: он нанес им удар, и один из голландских стражников пал мертвым. А четыре брата, не помня себя, рвались свершить то, о чем мечтал каждый из них, – уничтожить голландцев. Кьяи Деманг забрал с собой все висевшие [в каюте] копьа.

На кече находилось семь матросов-яванцев. Кьяи Деманг сказал: «Если вы хотите выступить на стороне голландцев, сразитесь-ка с моими сыновьями! Если же нет – прячьтесь!» Все семеро тотчас же забрались на малую мачту. Они не собирались помогать голландцам и бездействовали.

Около часа шла расправа над голландцами, и наконец Кьяи Деманг созвал сыновей и сказал: «Дайте-ка я на вас погляжу! А теперь пусть

---

⁷⁷ То есть дующий с моря на сушу и способный донести на берег звуки происходящего на судне.

каждый вооружится копьем». Трое сыновей взяли по копью. Кьяи Деманг спросил: «А где же Лауддин?» Капитан Лела молвил: «Я велел ему быть рядом с тобой, а сейчас его что-то не видно». Заплакал Кьяи Деманг, решив, что сына нет в живых. На самом же деле Лауддин обретался на носу судна и глазел на четверых голландцев, повешенных на снастях. На них он и уставился, ибо был еще мал и неразумен. Услышав призыв отца, он тотчас же прибежал, и Кьяи с сыновьями, вооружившись копьями, ринулись к голландцам, оставшимся в живых, и перебили всех до единого. По воле всемогущего Аллаха, создателя всего сущего, все голландцы распрощались с жизнью, а сам Кьяи Деманг и его сыновья остались целы и невредимы. Преславный и всевышний Аллах всегда дарует помощь своим верным рабам.

Тут Капитан Лела зажег свечу, и прибыла лодка с людьми. Капитан Буюнг собрался идти на берег, но отец сказал: «Постой, сначала высажусь я с Капитаном Лелой. А вы, трое братьев, оставайтесь на страже на кече, здесь все наше добро, и не доверяйте тем семерым [яванцам]. Пока мы не расправимся со всеми, кто на берегу, не покидайте кеча, ибо все, чем я владею, хранится там».

Кьяи Деманг сошел на берег вместе с Капитаном Лелой и направился в дом, где проживали капитан Семпурна и капитан Дарман, а с ними еще восемь человек. Кьяи Деманг воскликнул: «О, капитан Семпурна, пойдем со мною и перебьем голландцев, что засели в моем доме!» Услышав призыв Кьяи Деманга и Капитана Лелы, капитан Семпурна и капитан Дарман вместе с ними поспешили в кампунг, где проживал Кьяи Деманг. Капитан Семпурна, капитан Дарман и Сарафуддин поднялись в дом, чтобы расправиться с тремя находившимися там голландцами: капитаном, сержантом и солдатом. Все трое немедля же были убиты.

Когда солдаты, несшие стражу во дворе, услышали шум в доме, они выскочили из караульного помещения с ружьями наперевес и приготовились стрелять по дому Кьяи Деманга. При первом же выстреле спутники Кьяи Деманга и Капитана Лелы набросились на них и перебили голландцев. Из сторонников Кьяи Деманга один человек погиб, а двое были ранены, голландские же солдаты были убиты все до единого. Кьяи Деманг приказал семангкским малайцам захватить дом. Внутри они не обнаружили никого: пятерым голландцам удалось спастись бегством, все же прочие, милостью Аллаха, преславлен Он, Всевышний, сложили свои головы.

XII

Наутро Кьяи Деманг приказал перенести все его имущество с кеча на сушу. Затем он велел погрузить оружие и кое-какие пожитки малайцев на небольшую лодку. Однако вместимость ее была невелика, и большую часть товара, принадлежавшего Кьяи Демангу и малайцам, забрать не удалось, а тридцать малайских торговых судов так и остались на якоре.

Кьяи Деманг обратился к малайцам с такими словами: «Полагаю, моим соплеменникам лучше оставаться в Семангке, а не следовать за мной, ибо еще неизвестно, где мы с сыновьями найдем себе приют. Может быть, во владениях Британской компании, а может быть, и нет. Не подвергайте себя испытаниям, следуя за мной».

Малайцы ответили: «Мы не оставим тебя с сыновьями одного. Уверены, что нет твоей вины перед султаном и Компанией и что ты пал жертвой произвола. Сколько добра ты сделал и Компании, и султану, а с тобою вот так обошлись!»

По завершении разговора Кьяи Деманг сочинил послание губернатору, господину Пуру, и султану. Оно гласило:

«Вот письмо Кьяи Деманга Пурваседаны из Лампунга-Семангки господину губернатору и султану. И я, Кьяи Деманг, и малайцы Семангки покидаем этот край, ибо не можем более мириться с тем, как голландцы обращаются с нами. Не ведаю, был ли на то ваш приказ или нет, но с мной обходятся, как с собакой, мое имущество было разграблено, меня поместили под арест и заняли мой дом. Полагаю, что султану или Компании я не должен ни медяка. По прибытии моем в Семангку, где власть принадлежит султану и Компании, я сам зарабатывал себе на жизнь и ни ломаного гроша не добыл нечестным путем. Не взывайте, но я более не буду вам подчиняться и иметь дело с Голландской компанией. Некогда губернатор Самберек пожаловал мне двуствольное ружье и два двуствольных пистолета, их я оставляю Агусу Джамали. Оставляю и кеч, и лодки малайцев: мы забираем с собой лишь то, что можно унести на себе. Куда я направлюсь, еще не знаю, но покоряюсь воле Аллаха. Лишь Аллах, преславен Он, Всевышний, ведает мою судьбу».

Когда письма были готовы, он передал их в руки Агуса Джамали, доверенного лица султана. Три дня и три ночи прошло со времени битвы, и Кьяи Деманг двинулся в направлении Круи вместе со всеми малайцами, мужчинами и женщинами, взрослыми и детьми, числом в четыреста человек. Через три дня они достигли Бенгкуната⁷⁸, и Кьяи Деманг написал письмо доктору Блэнкину, бывшему тогда петором Круи. Письмо гласило:

«Кьяи Деманг из Семангки приветствует петора Круи и просит его о посильном содействии. Я направляюсь в Круи и нуждаюсь в помощи, повздорив с Голландской компанией. Если возможно, я хотел бы перейти под власть британского флага, а если нет, прошу разрешения определить место, где бы мне дозволено было проживать».

Письмо было отправлено в тот же вечер, и назавтра Кьяи Деманг двинулся следом. Спустя три дня после отправки письма он получил ответное послание от петора Круи, гласившее: «Кьяи Деманг может

⁷⁸ Бенгкунат – маленькая фактория на крайнем юго-западе Суматры, между побережьем Индийского океана и северной оконечностью залива Семангка.

беспрепятственно прибыть в Круи. По его прибытии мы изыщем возможность обсудить этот вопрос с Советом и губернатором Бенгкахулу».

Для Кьяи Деманга полученное письмо было подобно дождевой влаге, пролившейся на растения: он возликовал и двинулся в путь. Дорога из Бенгкуната в Круи заняла семь дней. Прибыв туда, Деманг отправился к доктору Блэнкину и капитану Сембаве, алпересу Круи.

Явившись к доктору и приветствовав его, Кьяи Деманг спросил: «Каково будет решение о нас? Разрешат ли нам пребывать под защитой флага Компании Бенгкахулу?» Доктор ответил: «Порядок такой, Кьяи Деманг: я должен сообщить об этом Совету и губернатору Бенгкахулу». Кроме того, Кьяи Деманг сам также направил письмо Совету и губернатору. Губернатором в ту пору был господин Картер⁷⁹, а членами Совета – господа Хэй, Нэрн, Дарвал, Стюарт и Вайатт. Все они в ту пору проживали в Бенгкахулу.

В письме [доктора Блэнкина] значилось следующее:

«Доктор из Круи сообщает Совету и губернатору Бенгкахулу, что в Круи из Семангки прибыл Кьяи Деманг с четырьмя сотнями малайцев. Они просят о разрешении пребывать под защитой Компании Бенгкахулу. Кьяи Деманг совершал убийства голландцев в Семангке, не стерпев того, что они там творили. Кьяи Деманг с сыновьями были подвергнуты аресту, а его имущество разграблено. Именно поэтому Кьяи Деманг и его дети и прибыли к нам. Каковым будет решение губернатора и Совета?»

Письмо самого Кьяи Деманга содержало обращение к Совету и губернатору с просьбой разрешить им проживание под защитой Компании Бенгкахулу. [В нем говорилось]: «Мы не могли более терпеть произвол голландцев. Нас безвинно бросили в тюрьму, а имущество разграбили. Поэтому мы стали сопротивляться, и Всевышний Аллах был на нашей стороне. Просим Совет и губернатора поддержать нашу просьбу».

Спустя восемь дней после отправки письма Кьяи Деманг послал своего сына Капитана Лелу в Бенгкахулу на маленькой лодке, приплывшей в Бенгкунат из Семангки. Через два дня Капитан Лела прибыл к Бенгкахулу, и его лодка вошла в устье Силебар. Он обратился к жителям Канданга⁸⁰ с просьбой: «Проводите меня в Бенгкахулу. Я должен переговорить с Советом, губернатором, даенгом⁸¹ и пангераном, а также четырем датуками⁸², ибо нам необходима помощь властей Бенгкахулу. Меня прислал мой отец. Возможно ли, чтобы мы были приняты под защиту флага Компании в Бенгкахулу, а с Голландской компанией мы больше дел не имеем. Меня послали сюда гонцом, но кто знает: может быть, Совет и губернатор

⁷⁹ Картер оставался в этой должности до 1766 г.

⁸⁰ Кампунг, расположенный к югу от Бенгкахулу, близ р. Силебар.

⁸¹ Титул знатного лица из народности буги.

⁸² Почетный титул высокопоставленного лица; старейшина, вождь (племени).

предадут меня казни. Тогда будьте тому свидетелями. Свою лодку оставляю вам на сохранение. Если я погибну, она ваша».

Выслушав Капитана Лелу, жители Канданга согласились пойти с ним, и он в сопровождении семерых спутников двинулся в Бенгкахулу. По прибытии в Марлборо⁸³ Капитан Лела явился к дежурному сержанту губернатора Картера, Радену Синаке⁸⁴, и поведал о своем желании видеть губернатора, [сказав]: «Я прибыл сюда из Семангки, чтобы сообщить нечто от имени моего отца, Кьяи Деманга». Говорит Раден Синака: «Хорошо, Капитан Лела, я пойду и доложу об этом губернатору».

Раден Синака отправился к губернатору и сообщил ему, что Кьяи Деманг из Семангки просит его об аудиенции. Выслушав Радена Синаку, губернатор сказал: «Отправляйся к Капитану и сообщи ему, что я жду его у себя в четыре часа пополудни. Сейчас полдень, и я прежде должен отобедать».

Выслушав губернатора, Раден Синака пошел к Капитану Леле и сказал ему: «О, Капитан Лела, я передал твои слова губернатору, но он просил тебя повременить, пока он не совершит свою трапезу. Когда пробьет четыре часа, отправляйся к нему». Выслушав Радена Синаку, Капитан направил свои стопы в дом к одному из торговцев форта Марлборо.

Когда пробило четыре часа, Капитан Лела двинулся к губернатору. Узнав о его прибытии, губернатор распорядился, чтобы солдаты проводили пришедшего в крепость, и чтобы за спиной у него самого встали капрал и восемь солдат с ружьями. Затем губернатор вызвал Капитана Лелу в зал собраний.

Оказавшись перед губернатором, Капитан Лела почтительно приветствовал его. Губернатор спросил: «Откуда путь держишь?» Капитан Лела ответил: «Господин губернатор, я прибыл из Семангки. К вам меня послал отец».

Губернатор молвил: «Говори же, я слушаю». Капитан Лела сказал: «Господин губернатор, отец велел мне сообщить, что в Семангке голландцы принялись преследовать нас. Мы дали им отпор и уничтожили всех до единого, а из числа малайцев, выступавших на нашей стороне, погибли двое. Все мы, семангские малайцы, сейчас перебрались в Круи и просим вашего содействия. Мы хотели бы проживать во владениях [Британской] компании в Бенгкахулу и просим на то милости губернатора».

На слова Капитана Лелы губернатор ответил: «А из-за чего возникла эта ссора? Наверное, есть причина. Думаю, стоит, чтобы ты рассказал мне об этом, а я послушаю».

---

⁸³ Fort Marlborough – крепость в Бенгкахулу, воздвигнутая в 1713–1719 гг. как форпост Британской Ост-Индской компании.

⁸⁴ Согласно данным, опубликованным Марсденом, этот персонаж (обозначенный у него как Си Нака) был сыном правителя Мадур. Англичане предоставили ему убежище в Бенгкахулу после того, как отец Си Наки подвергся преследованиям голландцев [7, с. 200; 4, с. 77–78].

Капитан Лела молвил: «Хорошо, господин, поведаю все от начала и до конца, только это будет длинная история». Губернатор ответил: «Ничего, рассказывай, я слушаю».

И Капитан Лела рассказал всё от начала и до конца. И как Кьяи Деманг Пурваседана обосновался в Семангке, и как султан с губернатором приказали ему обеспечивать порядок в Семангке, и о том, как капитан Сетиа и капитан Дугам ездили в Бенгкахулу после войны с Францией, как за это на Кьяи Деманга было наложено взыскание, и как капитан Форрест высадился в Семангке. Обо всем этом Капитан Лела поведал губернатору.

По завершении рассказа губернатор приказал позвать капитана Форреста. Когда тот появился, губернатор обратился к нему с вопросом: «Верно ли, что вы, капитан, прежде заходили в Семангку?» Капитан Форрест сказал: «Да, верно». – «А с какой целью?» Ответил капитан: «У меня на исходе были и вода, и съестное». – «А кто оказал вам помощь в Семангке?» Отвечает капитан: «Это был главный над малайцами, Кьяи Деманг, он помог мне добыть все, что нам было потребно». Говорит губернатор: «Не продавали ли вы сами ткани или опиум в Семангке и не покупали ли там перец?» Капитан сказал: «Я ничем не торговал в Семангке и перца не покупал». Губернатор спросил: «А кто этот человек?» Увидев Капитана Лелу, капитан сказал: «Я знаю его, это сын Кьяи Деманга из Семангки. Как он здесь оказался?» Губернатор молвил: «Он прибыл сюда за помощью и просит моего разрешения пребывать под знаменами Британской компании: они расправились с голландцами в Семангке». Капитан произнес: «Думаю, губернатору стоит пойти ему навстречу. Полагаю, что их вины перед голландцами нет. Даже если бы на них лежал многотысячный долг, это не могло бы стать причиной отъезда из Семангки». Обращаясь к губернатору, капитан Форрест заявил: «Они поступили так, потому что произвола голландцев больше терпеть не могли».

Тут губернатор велел Капитану Леле вернуться в торговый квартал в дом сержанта Миюта. Спустя семь дней он снова призвал Капитана Лелу в зал собраний, где уже ожидали члены Совета, два пангерана, а также датуки Бенгкахулу. Губернатор – господин Картер обратился к Капитану Леле с такими словами: «Возвращаясь в Круи и отвези мое письмо Кьяи Демангу. Жителям Семангки дано разрешение селиться, где им будет угодно. Захотят в Круи – я согласен, захотят в Бенгкахулу – я тоже не против. Если следом за вами явятся голландцы, мы скажем, что ничего об этом не ведаем. А если голландцы и прознают о вас, не бойтесь, что Британская компания вас выдаст: это не в наших правилах. Не бойтесь и доверьтесь Британской компании». Так сказал губернатор Капитану Леле.

Затем Капитан Лела вернулся морем в Круи. По прибытии он узнал о кончине Кьяи Деманга: ему так и не суждено было прочесть письмо господина Картера. Капитан Лела передал старшему брату, Капитану Буюнгу, послание губернатора Картера, пребывающего в Бенгкахулу.

Смерть отца потрясла сыновей Кьяи Деманга, их охватила тоска по покинутой Семангке. В поисках счастья они разъехались в разные края. Одни остались в Пулау Перча⁸⁵, кто-то отправился на Бали, кто-то – в те места на Яве, что не были под властью голландцев. Словно перелетные птицы, они останавливались там, где находили спелые плоды. Подобно цыплятам, оставшимся без матери-наседки, они служили тем, кто был к ним добр и сочувствовал им. Так сложилась судьба всех сыновей Кьяи Деманга после смерти государя, да будет это ведомо читателю. Здесь же предложен правдивый рассказ очевидца о жизненных обстоятельствах детей Кьяи Деманга еще в ту пору, когда государь находился в Семангке. Лишь Аллах Всевышний ведает, кто из его рабов в мире сем хорош, а кто плох.

КОНЕЦ

Написано 8 числа месяца зулхиджа⁸⁶. Капитан Лауддин рассказал о приключениях всех братьев, пребывая в устье Пали⁸⁷.

Все случилось, как в известном пантуне⁸⁸:

Не годен только что выкованный нож,
Гуджаратский нож, не имеющий рукоятки.
Не все решается, как только попросишь –
Сначала все объясни в письме.

Собранный рис не годен в пищу –
Сначала его толкут в ступке, отсеивая шелуху,
Что бы мы ни задумали сделать, –
Свершится лишь тогда, когда Аллах захочет.

Ачехский гураб⁸⁹ с парусом на рейках –
Судно султана Джамал ул-алама.
Чтобы удача не покинула вас,
Творите молитву днем и ночью.

---

⁸⁵ То есть на Суматре.

⁸⁶ Мусульманский месяц «зулхиджа» на русский язык не переводится, он в разные годы по-разному соответствует нашему календарю, а так как и год не указан, время написания определить невозможно. По предположению Марседена, это 1788 г., или 1202 г. х. [4, с. 83].

⁸⁷ Вероятно, имеется в виду Лаис, расположенный на расстоянии 37 км к северо-западу от Бенгкулена.

⁸⁸ Пантуны – народные четверостишия с перекрестной рифмовкой, первые две строки обычно заключают в себе звуковой либо же образный намек, смысл которого раскрывается во второй половине. Образное значение первых двух строк, их ассоциативную роль можно выявить не всегда; напротив, функция первого двустипия как звукового намека вполне очевидна. В так называемых «переплетенных» пантунах вторая и четвертая строки становятся первой и третьей в следующем пантуне. В приведенном здесь стихотворении элементы «переплетенного» пантуна наличествуют лишь в третьем и четвертом четверостишии.

⁸⁹ Гураб – парусно-весельное судно, разновидность торгового и военного корабля.

Плывет судно султана Джамал ул-Алама,
Побеги ротанга опутали крепостную стену.
Творите молитву днем и ночью –
И случится то, о чем вы просите.

На острове Пинанг здания высоки,
С горы ниспадают струи водопада.
Старайся и не жалея сил,
Ибо страданий предстоит немало.

Литература

1. Skinner C. Transitional Malay literature. *Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde*. 1978;134(4):466–487.
2. *Hikayat Abdullah karangan Abdullah bin Abdulkadir Munshi. Dikaji dan diperkenalkan oleh Kassim Ahmad*. Kuala Lumpur: Yayasan karyawan; 2008. 404 p. (На малайск. яз.)
3. Ricklefs M. C., Voorhoeve P., Teh Gallop A. *Indonesian Manuscripts in Great Britain. A Catalogue of Manuscripts in Indonesian Languages in British Public Collections*. New Edition (Naskah dan Dokumen Nusantara. Seri XXXIII). Jakarta: Ecole française d'Extreme-Orient; 2014. 349 p.
4. *Memoirs of a Malayan Family written by themselves and translated from the original by W. Marsden*. London: Oriental Translation Fund; 1830. 88 p.
5. Hadijah Rahmat. *In Search of Modernity. A Study of the Concepts of Literature, Authorship and Notions of Self in "Traditional" Malay Literature*. A Thesis Submitted by Hadijah Bte Rahmat. London: University of London, School of Oriental and African Studies; 1996. 566 p.
6. Ariside Marre (transl.). *Mémoires de Nakhoda Mouda de Samangka écrits par lui et ses enfants*. Paris : w. p.; 1868. 88 p.
7. De Biografie Van een Minangkabausen Peperhandelaar in de Lampongs naar een Maleische handschrift in de Marsden-Collection te Londen uitgegeven, vertaald en ingeleid door G. W. J. Drewes. *Verhandelingen van het Koninklijk Instituut voor Taal-, Land- en Volkenkunde*. Deel 36. 'S Gravenhage: Martinus Nijhoff; 1961. 159 p. (На малайск. и голландск. яз.)
8. Winstedt R. O. Hikayat Nakhoda Muda. *Journal of the Straits Branch of the Royal Asiatic Society* 1921;83:104–109.
9. Hall D. G. E. *A History of Southeast Asia*. London: Macmillan & Co Ltd; 1955. 830 p.
10. Atsushi Ota. Banten Rebellion 1750–1752: Factors behind the Mass Participation. *Modern Asian Studies* 2003;37(3):613–651.
11. Повесть о ханг Туахе. Пер. с малайск., предисл. и примеч. Б. Б. Парникеля. М.: Наука; ГРВЛ; 1984. 397 с.
12. Брагинский В. И. *История малайской литературы VII–XIX веков*. М.: Наука; ГРВЛ; 1983. 495 с.
13. *Повесть о раджах Пасея*. Пер. с малайск., исслед., примеч. и прилож. Л. В. Горяевой (*Памятники письменности Востока; CXLIV*). М.: Наука; Восточная литература; 2015. 190 с.

14. Murtagh B. *The Portrayal of the British in Traditional Malay Literature*. A thesis submitted in fulfilment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in Indonesian and Malay Studies. London: University of London, School of Oriental and African Studies; 2005. 332 p.

15. Marsden W. *The History of Sumatra*. 3rd ed. London: Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown; 1811. 479 p.

References

1. Skinner C. Transitional Malay literature. *Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde*. 1978;134(4):466–487.

2. *Hikayat Abdullah karangan Abdullah bin Abdulkadir Munysi. Dikaji dan diperkenalkan oleh Kassim Ahmad*. Kuala Lumpur: Yayasan karyawan; 2008. 404 p. (На малайск. яз.)

3. Ricklefs M. C., Voorhoeve P., Teh Gallop A. *Indonesian Manuscripts in Great Britain. A Catalogue of Manuscripts in Indonesian Languages in British Public Collections*. New Edition (Naskah dan Dokumen Nusantara. Seri XXXIII). Jakarta: Ecole française d'Extreme-Orient; 2014. 349 p.

4. *Memoirs of a Malayan Family written by themselves and translated from the original by W. Marsden*. London: Oriental Translation Fund; 1830. 88 p.

5. Hadijah Rahmat. *In Search of Modernity. A Study of the Concepts of Literature, Authorship and Notions of Self in "Traditional" Malay Literature*. A Thesis Submitted by Hadijah Bte Rahmat. London: University of London, School of Oriental and African Studies; 1996. 566 p.

6. Ariside Marre (transl.). *Mémoires de Nakhoda Mouda de Samangka écrits par lui et ses enfants*. Paris : w. p.; 1868. 88 p.

7. De Biografie Van een Minangkabausen Peperhandelaar in de Lampongs naar een Maleische handschrift in de Marsden-Collection te Londen uitgegeven, vertaald en ingeleid door G. W. J. Drewes. *Verhandelingen van het Koninklijk Instituut voor Taal-, Land- en Volkenkunde*. Deel 36. 'S Gravenhage: Martinus Nijhoff; 1961. 159 p. (In Malay and Dutch)

8. Winstedt R. O. Hikayat Nakhoda Muda. *Journal of the Straits Branch of the Royal Asiatic Society* 1921;83:104–109.

9. Hall D. G. E. *A History of Southeast Asia*. London: Macmillan & Co Ltd; 1955. 830 p.

10. Atsushi Ota. Banten Rebellion 1750–1752: Factors behind the Mass Participation. *Modern Asian Studies* 2003;37(3):613–651.

11. Parnikel B. B. (transl. from Malay, preface and notes) *The Tale of Hang Tuah*. Moscow: Nauka; GRVL; 1984. 397 c. (In Russ.)

12. Braginsky V. I. *History of Malay Literature in the 7th to 19th centuries*. Moscow: Nauka; GRVL; 1983. 495 c.

13. Goryaeva L. V. (transl. from Malay, research, notes and addenda) *Chronicle of the Kings of Pasai (Written monuments of the East CXLIV)*. Moscow: Nauka; GRVL; 2015. 190 c. (In Russ.)

14. Murtagh B. *The Portrayal of the British in Traditional Malay Literature*. A thesis submitted in fulfilment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in Indonesian and Malay Studies. London: University of London, School of Oriental and African Studies; 2005. 332 p.

15. Marsden W. *The History of Sumatra*. 3rd ed. London: Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown; 1811. 479 p.

Информация об авторе

Горяева Любовь Витальевна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела памятников письменности народов Востока Института востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия; <https://orcid.org/0000-0002-4744-6005>, e-mail: goriaeva@mail.ru

Information about the author

Liubov V. Goriaeva – Ph. D (Philol.), Leading research fellow at the Department of Oriental Historical Written Sources, Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; <https://orcid.org/0000-0002-4744-6005>, e-mail: goriaeva@mail.ru

Author's Links

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 26 апреля 2021
Одобрена после рецензирования: 22 сентября 2021
Принята к публикации: 25 ноября 2021
Опубликована: 27 декабря 2021

Article info

Submitted: April 26, 2021
Approved after peer reviewing: September 22, 2021
Accepted for publication: November 25, 2021
Published: December 27, 2021

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Ориенталистика» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку eLIBRARY.RU. Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU. The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.